

Дмитрий Федюшин

Человек с тающим лицом

18+

Дмитрий Геннадиевич Федюшин

Человек с тающим лицом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37662138

SelfPub; 2020

Аннотация

Молодому писателю попадает в руки посылка от неизвестного отправителя, в которой кассеты, диски и флешки. На них записаны скрытыми камерами события из его жизни. Кто-то тайно снимал его на протяжении многих лет! Иногда на записях в роли оператора появляется Человек с тающим лицом – выдуманный персонаж его рассказа, облик которого преследует писателя еще с детства. Для автора Он был всего лишь литературным образом, свидетельствующим о невозможности четкой идентификации личности. Но неужели Человек с тающим лицом все это время где-то существовал?

Понедельник. Вечер

Я пытался писать, но дело шло не очень. Я никак не мог сосредоточиться на рассказе, мысли метались врозь по хаотичному хитросплетению ассоциаций и мне не удавалось заключить их в общий поток, направленный на произведение.

Не обошлось тут и без внешних причин, поскольку под окнами орала пьянь. Компания что-то горячо обсуждала, периодически пуская в ход кулаки. Судя по отрывкам фраз, состоящих в основном из мата, которые долетали до меня с улицы – это была вполне стандартная проблема для данной социальной прослойки.

Я вымученно закончил предложение и встал из-за стола, что стоял в углу комнаты, рядом со старым сервантом. Я оставил попытки поймать ускользающую мысль, и вышел на балкон перекурить и погромче послушать события, происходящие внизу. Насколько бы не была банальна проблема этих ребят, в какой-то степени мне было интересно взглянуть на шоу.

Меня ждало разочарование, поскольку они находились не на освещенной фонарями дорожке под окнами, как я сперва предполагал, а дальше, на старой детской площадке, где была темень. Когда глаза привыкли к сумраку ночной улицы, я сумел разглядеть силуэты тех, кто был в светлых куртках,

но не больше. К тому же, кажется, они уже успокаивались, потому что ругань и повышение тона все реже прорезали тишину. Прошел начальный запал и им требовалась смена обстановки.

Не успел я докурить, как напряжение ушло окончательно, и они стали обниматься и безудержно хвалить друг друга. Тупая неконтролируемая агрессия превратилась в тупую неконтролируемую доброжелательность со скоростью щелчка зажигалки. Уличная жизнь в перевозданном своем виде. Хаотичность, быстротечность и бестолковость.

Когда я вернулся в комнату, последние мои надежды сосредоточиться на произведении растаяли, поскольку мой взгляд упал на небольшую картонную коробку, что стояла в открытой ячейке на тумбочке под сервантом.

Странное дело. Я не знал откуда она взялась, чья она вообще, а главное – сколько времени находится здесь.

Я обнаружил ее сегодня вечером, и проблема заключалась в том, что последнюю неделю в этом месте громоздилась куча моих вещей, которые я перевез от родителей и все ленился разложить по своей убогой комнате. Только сегодня после работы я взял себя в руки и заставил потратить полчаса на наведение порядка. Со мной так всегда, бытовые дела меня жутко выматывают и просто раздражают своей нескончаемостью и тотальным поглощением времени.

Там стоял комбоусилитель для гитары, книги в коробке из-под DVD (сам проигрыватель я оставил дома), какая-то

одежда в кульке и другие разные мелочи.

Однако я был уверен, что не привозил *эту* коробку от родителей, потому что ее содержание мне совершенно незнакомо. Но тогда – кто оставил ее и когда это произошло?

Два дня назад в субботу у меня была гулянка, приезжали друзья. Днем мы ходили на пикник в близлежащий лес, вечером были в квартире; некоторые приезжали и уезжали, некоторые остались на ночь.

Конечно, можно предположить, что кто-то из ребят, заезжая ко мне, по дороге забрал от куда-то свою коробку, и случайно забыл ее у меня, но эта версия притянута за уши. Во-первых, как это я не заметил у новоприбывшего гостя в руках коробку, ведь я вроде всех встречал, а во-вторых – как она оказалась под моими вещами? Здесь было много и других «но», и может, следовало обзвонить всех, кто был в тот день. Но я так и не сделал этого, поскольку считал такую версию глупой.

Я снова подошел к коробке и уже раз пятый за сегодняшний вечер открыл ее и стал разглядывать необычное содержимое. Оно мне не давало покоя с момента обнаружения, может, еще и поэтому мне было сложно писать. А больше всего раздражало, что время только близилось к часу ночи и требовалось подождать до утра, пока я не приеду на работу, поскольку лишь там я смогу раскрыть тайну странной находки. Может, не раскрыть полностью, но хотя бы приблизиться к разгадке.

Дело в том, что в коробке было по несколько видеокассет, дисков и флэшек, а у меня в этой квартире не было на чем их посмотреть.

На протяжении вечера, в зависимости от переменчивого, нервно скачущего по амплитуде, настроения, мне приходили в голову разные мысли о том, что там записано. Мысли, как осознанные предположения, так и поток образов, и в большинстве своем они были мрачного характера. Лишь несколько раз я с улыбкой подумал, что обнаружу там чье-то домашнее порно. В остальное время меня не покидало ощущение скрытой мистичности этой находки, что неудивительно, с учетом всех вопросов, вертящихся вокруг нее.

Я закрыл коробку и с отрешенным видом вернулся к письменному столу. Взял в руки тетрадь, в которой писал свое произведение, и перечитал последний абзац. Я не садился, у меня уже не было надежды сегодня что-то написать, да и время было позднее. Я просто предпринял очередную попытку обуздать хаос в своей голове и направить мысли в нужное русло. Сформировать логическую цепочку и подумать, как я дальше по шагам буду развивать рассказ. Но муза и концентрация металась где-то в тумане, лишь намекая на свое присутствие тусклыми силуэтами, и мои ничтожные попытки ухватить их за хвост не увенчались успехом.

Я захлопнул тетрадь и вышел снова перекурить. Не представляю, что бы со мной было без сигарет в такие моменты. Как бы вообще я переносил невзгоды взрослой жизни без их

поддержки.

На улице было тихо, почти все окна соседних домов погрузились в мягкую темноту серых и коричневых стен. Компания, видимо, разошлась по домам или отправилась на поиски приключений в другом месте.

Мне показалось, что я чувствую запах цветения, и я глубоко вдохнул ночной воздух. Деревья и вправду расцвели, на дворе стояла середина апреля, но вечер был холодный и этот холод каким-то образом перебивал цветение вместе с остальными весенними ароматами. Однако зелень во всю распушилась под моими окнами, кутающаяся в густых тенях и лишь местами озаренная светом фонарей. Ветра почти не было и один взгляд на эту красоту навевал самый радужный настрой и ностальгию, скрывающуюся где-то в этих тенях и рвущуюся ко мне сквозь пелену холода.

Мои мысли впервые за вечер полностью отвлеклись от таинственной коробки и мне стало печально, что последнюю неделю-две творчество выскальзывает из рук. Больше всего раздражало, что сама идея произведения мне нравилась, я считал ее действительно хорошей. Периодически ко мне приходили соображения, как продвигать дальше рассказ или рисовались эпизоды, живые и отчетливые. Но казалось, я утратил способность к усидчивой и постепенной работе, этому выстраиванию дворца из спичек, что является основным атрибутом писательской деятельности. Стоило мне сесть за тетрадь, как мысли кидались вразброс, а внутри зрел комок

нервов. И как я ни старался не пускать это к осознанному восприятию, мне было ясно – почему это происходит.

Я лег в постель и в очередной раз, но теперь более остро, ощутил пустоту возле себя. Ведь совсем недавно каждую ночь рядом со мной ложилась девушка, которая, как ни крути, заполняла собой пустоту не только в кровати. Но уже почти три недели, как мы с ней разошлись, и с тех пор постель кажется мне слишком большой. Лишь белая простыня, подушка и одеяло, теперь навязчивые в своей четкости. Это ж надо, как живой человек преобразует предметы вокруг себя.

Я ощутил холод одеяла и безразличие окружающих стен, и по моему телу волной прокатилась дрожь. Я сам в этой обездушенной темной комнате, в этом спящем однотонном доме и нахожусь очень далеко от любого из моих знакомых, а еще дальше я от какой-либо внутренней связи с кем бы то ни было.

Я перевернулся на бок и еще около получаса не мог заснуть, мучимый глупыми мыслями и переигрыванием навязчивых эпизодов из моей жизни.

Ночью мне приснился человек в красном плаще и со страшным лицом, расплавленным словно воск, и свисающим набок. Это был персонаж из моего рассказа, который я сейчас пишу, и он занимает особое место в моей жизни. Однако сон вышел каким-то блеклым, поскольку наутро я не мог вспомнить ни его событий, ни своих эмоций.

Но зато я помню эмоции, испытанные от другого сна. В

нем я приходил на работу, ставил записи из загадочной коробки и там было что-то ужасное... Что именно – я не помню, но до сих пор осталось неприятное послевкусие от моего знания в этом сне, что там мои постыдные тайны. Неожиданно за моей спиной оказалось много людей, большинство из которых я не знаю. Они все это время стояли сзади и смотрели запись вместе со мной. И их лица страшно вытянулись в удивлении и шоке, так, что каждый из них стал напоминать картину Эдварда Мунка «Крик».

2

Вторник

Собираясь на работу, я чуть не забыл диски и флэшки – это то, что я мог просмотреть на компьютере. И лишь в последний момент, уже обутый, я забросил их в сумку. Это отнюдь не значило, что я перестал думать о них, просто утренняя суматоха, особенно перед выходом, полностью меня отвлекла. Но стоило мне выйти из дома, как впечатления от сна вернулись. Они были на редкость свежи.

В последнее время я все реже задумывался о главном антагонисте моего рассказа. Раньше, еще до идеи написать о нем произведение, я регулярно его вспоминал. А когда стал увековечивать его в литературной форме, то человек с тающим лицом вообще поселился у меня в голове. Но сегодня я о нем ни разу не вспомнил, несмотря на то, что первый сон

был про него. Все мои мысли поглотило преддверие раскрытия тайны с записями.

Когда я ехал в метро и до работы оставалась одна остановка, я начал склоняться к рациональным предположениям. Возможно, это была реакция в противовес абсурдности сна, чье отравляющее послевкусие преследовало меня до сих пор. Но теперь я подумал, что на этих носителях вряд ли будет что-то необычное. Скорее всего фильмы, художественные или документальные. А может, там будут программы, какая-то рабочая документация...

Стоило мне прийти на работу, как на меня набросились разноплановые задачи, требующие незамедлительных решений. В итоге свободное время у меня появилось только, когда я сел обедать.

Я вставил одну из флэшек и, как только включилось изображение, в удивлении замер.

На экране я увидел себя, причем сидящего на том же месте, где я находился сейчас!

У меня мгновенно пропал аппетит. Я огляделся вокруг, как будто искал оператора, хотя запись, судя по дате в левом верхнем углу, была сделана почти месяц назад. На ней я сидел за своим рабочим компьютером – место, за которым, как мне кажется, я провожу слишком много времени своей жизни.

Мне было не впервой видеть себя со стороны на работе, поскольку в нашем магазине стояло четыре камеры и по раз-

ным причинам нам периодически приходилось просматривать записи. Но странность заключалась в том, что *эта* запись сделана не рабочими камерами, потому что тут совсем другой ракурс.

Я свернул видео и открыл программу с камерами. На экране появилось четыре окошка, в каждом из которых было помещение магазина. Затем посмотрел на местоположение камер в реальности. Сравнив их с найденной записью, я отправился к противоположной от себя стене в поисках источника последнего.

Я перерыл всю полку с полипропиленовыми авточехлами и кожаными чехлами на руль, но камеру так и не нашел. Продвинувшись чуть правее, я пошарил рукой среди освежителей воздуха, расшебуршив половину маленьких флакончиков на верхней полке, и обратил внимание на то, чего раньше не замечал. По углам узкого стеллажа с освежителями были маленькие ячейки, вполне удобные для... Я обернулся, взглянул на свое место и предположил, что камера находилась именно здесь. Однако она должна быть миниатюрной, чтобы ее там никто не заметил, гораздо меньше рабочих «очей начальства». Но кому это нужно?

Мои размышления прервал сотрудник, вернувшийся из продуктового магазина. Я подскочил к своему компьютеру, поскольку не свернул видео и программу с камерами. Однако он был слишком поглощен собой и не заметил моей спешки. А меня кольнуло в сердце острием яркой вспышки гад-

кое послевкусие сна. Перед глазами так и встали растянутые в удивлении лица.

На видео было записано около сорока минут и начиналось оно ровно в 12 дня. За это время зашел один клиент, я с ним общался, обходя магазин и время от времени останавливаясь у одного из стеллажей. Положение камеры позволяло охватить большую часть помещения. Затем я снова сидел за компьютером, потом исчез на минут 5-7, видимо вышел на перекур.

Я с удивлением обнаружил, что много чешусь. Увлеченно говорю с клиентом или просто сижу за компьютером, но пальцы рук регулярно тянулись к произвольно выбранному сантиметру кожи и совершали несколько движений, словно жили собственной жизнью. Странно, я раньше этого не замечал.

Благодаря каким-то четким отрывкам я вспомнил этот день, ощущения от пережитого в нем изнутри, и теперь так необычно было видеть его со стороны. Но я не успел об этом как следует поразмыслить, потому что на меня неожиданно навалилась работа. К следующей записи я добрался только через часа два и вставлял флэшку с эфемерным смешением любопытства и тревоги.

На этот раз запись сделали на улице несколькими неделями ранее. Судя по изображению, камеру установили на металлической балке решетчатой пристройки, что примыкала ко входу в наш магазин, расположенный на первом этаже жи-

лого дома. Установили прямо под крышей, в таком месте, на которое никто никогда не подымает взгляд. Ракурс не позволял увидеть решетчатую дверь пристройки и висящий на ней замок, камера смотрела внутрь клетки и на вход в магазин, но я то знал, что он там должен быть.

Видео начиналось где-то без пятнадцати десять утра, то есть всего за 10 минут до того, как я открываю магазин. В самом начале я увидел, как на белой пластиковой двери мелькнула чья-то тень, наверно того, кто установил камеру. Видимо, он ее сразу же включил и контуры этой тени, весь ее общий облик, лишь на секунду принявший законченную форму, показался мне чем-то знакомым... Чем-то, что отозвалось гулкими ударами сердца и приняло образ бесформенного комка смутных ощущений, словно ниток, плавающих в жидком темном желе. И, как только руки сознания прикоснулись к этим ниткам, желая схватить их, они растворились в самом желе – не разгаданном, не подвластном уму чувстве. А после оно и вовсе слилось со всем моим состоянием, вызванным просмотром этих записей.

Это видео длилось столько же, как и предыдущее. Через минут 10 после начала действительно пришел я и открыл магазин. Вскоре я вышел на перекур с утренним кофе и теперь наблюдал сверху, как я затягиваюсь, о чем-то думаю и неспешно отпиваю из картонного стаканчика.

Так что ж это получается?! Чтобы сделать эту запись, злоумышленнику нужно было иметь ключи и открыть навесной

замок на решетчатой двери, а, чтобы сделать предыдущую, ему требовалось не только вдобавок открыть магазин, а еще и снять с охраны сигнализацию. Не мог же он установить камеру, когда я был в магазине! Или мог?..

На этой флэшке было еще две записи и я немедленно загрузил их. Обе сняты в одном и том же месте, видимо, таинственный инкогнито прицепил камеру на дерево. В первые несколько секунд я не сообразил, чем примечателен изображенный на экране ландшафт и только потом до меня дошло, что на самом деле он мне уже примелькался. Это была дорога к моей работе, вдоль которой ровно высажены каштаны. Теперь их покрывают пышные кроны ярко-зеленых свежих листиков, но на записи они еще голые и безжизненные.

Было утро, на земле вдоль дороги кое-где еще лежал потемневший снег, и судя по времени в левом верхнем углу, через 5-10 минут я должен пройти этой дорогой. Пока я дожидался собственного появления, понемногу перематывая запись вперед, тревога влезла мне под кожу.

Так и произошло, я увидел себя в черной куртке и синих джинсах – совершенно не примечательный прикид. Сперва я даже себя не узнал и сомневался, но подтверждением послужило, что я быстро шел и обгонял других прохожих, причем отнюдь не из-за того, что опаздывал на работу, просто такая привычка. А вообще из-за плохого качества видео и непривычной возможности видеть себя со стороны, наблюдать местность, по которой ходишь каждый день, – так от-

страненно, на записи... Все это тормозило восприятие.

На следующем видео было то же место, только вечером, когда я возвращался с работы.

Это просто тотальная слежка!

Я посмотрел на сотрудника. Он сидел напротив меня за своим столом и не отрываясь глядел в монитор, отражая лицом его мертвый свет. Руки время от времени нервно клацали по клавиатуре, похоже он работал. Он вообще был трудоголик и очень легко погружался в любое дело. Однако так же легко и переключался, и если его часто отвлекать, то он разбрасывался во все стороны, а толку не было нигде.

Я воспользовался моментом, пока мне не поступило срочных задач по работе, и поставил третью флэшку. Первое время я не мог ничего понять, но когда визуальные импульсы наконец достучались до сознания, у меня возникло ощущение, что в грудь мне вогнали ледяные иголки, а тело приварили к стулу. Острота этого чувства быстро притупилась, но после я подвергся вязко-тягучему состоянию, в котором все окружающее вдруг становится неприветливым и угрожающим.

3

Как я уже упоминал, я пишу рассказ о человеке в красном плаще с тающим лицом. И в этом есть очень важная деталь – в какой-то степени этот человек действительно существует

или существовал в моем прошлом.

Впервые я его встретил в раннем детстве, думаю, что мне было лет шесть. Я был с родителями в зоопарке и прямо-таки встречей это не назовешь, я просто увидел его. Он стоял метрах в тридцати от меня возле деревьев за маленьким озером с фламинго и утками. Мы же стояли на мостике с белым узорным ограждением по бокам, переброшенном через искусственный водоем. Самое интересное, что я не помню дальнейшего. Помню, что испугался, но подал ли я виду, сказал ли об этом маме? Ширма детского забвения была соткана из непроглядной черноты, обволакивающей этот эпизод со всех сторон.

Теперь, спустя столько лет я, как и многие взрослые, стал на путь рационального мышления, и разумеется, не раз сомневался – видел ли я его тогда на самом деле. Может, это просто выдумка, которая обрела силу в детском сознании? Ведь дети, особенно творческие, часто воображают что-нибудь эдакое, подспудно желая прервать привычный ход вещей. Но тогда, я предполагаю, образ человека с тающим лицом должен был потускнеть с годами, а я до сих пор отчетливо помню его в ярко красном плаще, стоящего под деревьями. Хотя, безусловно, ясность того воспоминания подкрепили наши последующие встречи и мое увлечение им.

Я помню, что видел его еще дважды. Один раз, когда я сбегал по лестнице – перепрыгивая через одну-две ступеньки – с пятого этажа, где жил с родителями. Уже подбегая

к двери подъезда, я неожиданно для себя обернулся. Меня словно кто-то окликнул, только слов я не слышал, это был немой зов. За пристройкой консьержки на лестнице, ведущей в подвал, стояла фигура в красном плаще.

Этот эпизод более померк в моей памяти, нежели предыдущий, и вспоминается размытым, несмотря на то, что он произошел позже. Соответственно, касательно него я еще меньше уверен – было ли это в реальности.

Третья встреча предстает смутным пятном. Я окончательно забыл – когда и как это произошло, помню лишь, что видел его еще раз, потом, но само событие затерялось на задворках мозга, как выгоревший блеклый плакат, видимый лишь контурами, но не раскрывающий своего содержания и навязчиво маячащий где-то вдали. Хотя это даже не плакат, а темный прямоугольник, одна из пропастей на полотне памяти, сохранившая однако свои очертания. Большинство пропастей вообще бесформенные.

Затем, когда мне было лет 12, произошло важное событие, окончательно закрепившее позиции человека с тающим лицом в моей жизни.

В тот период я увлекся фильмами ужасов и почти сразу открыл для себя удивительный мир уродливых масок, костюмов и другой атрибутики этой темы, который сосредоточился в нескольких торговых точках на рынке «Петровка». Порой мне приходилось ездить на этот рынок с мамой, чтобы закупить тетрадок, каких-то учебников и разной канце-

лярской дребедени. Иногда я покупал там книги и кассеты с фильмами на скопленные деньги или по просьбе у мамы. И неизменно, проходя возле витрин с костюмами, я замирал и с восторгом рассматривал всю эту роскошь. Однако мама не поддавалась на уговоры и отказывалась купить мне страшную маску, считая мое увлечение нездоровым и расточительным.

Не помню, сколько мне потребовалось времени, но все же удалось допроситься и мне купили маску Фредди Крюгера. Я надевал ее часто: пугал родителей, представлял себя персонажем фильма, рисовал в голове воображаемые сцены и становился их участником. Несколько раз я даже выносил маску на улицу, чтобы похвастаться перед друзьями и придумать новые развлечения.

Однажды, после всего этого, я проходил мимо своего любимого прилавка и застыл, только уже не в восторге, а в ужасе. На стене, теснясь между костюмом из фильма «Крик» и скелетом с зеленой маской черепа, висел яркий красный плащ и маска тающего лица. У меня перехватило дыхание, потому что в первый миг мне показалось, что я снова *вижу* это существо, хотя уже несколько лет прошло с нашей последней встречи. До меня быстро дошло, что это всего лишь костюм, и я подумал, что вот так случайно набрести на него – это крайне необычно. Затем во мне вдруг вспыхнуло желание купить его.

Помню, на следующий день я впервые сообразил, что че-

ловек с тающим лицом не мог родиться в моем воображении, поскольку его костюм существует отдельно от меня. Возможно, это персонаж какого-то фильма, который я мельком видел по телевизору в раннем детстве, и мое подсознание просто интерпретировало этот образ на собственные фантазии. А может, это просто костюм, кем-то придуманный, который я видел здесь же, на этом прилавке, будучи совсем маленьким. Или в каком-то другом месте... Не знаю. Любые мои попытки припомнить обстоятельства, при которых случилось реальное знакомство с ним, не увенчались успехом, что тогда, что сейчас. Очевидно, первая *воображаемая* встреча в зоопарке была настолько яркой для нестабильного детского сознания, что окончательно затмила собой предысторию. Мне только остается надеяться, что это не персонаж какого-то произведения, поскольку мой рассказ тогда будет плагиатом, хотя я не раз пытался найти его с помощью интернета, но ничего не находил.

Впрочем, в свои 12 лет я бы не сразу сообразил, что должна быть предыстория встрече в зоопарке, если бы костюм слегка не отличался внешне от моего воображаемого человека с тающим лицом. Только потом, когда я уже был взрослый, до меня дошло, что я это заметил не потому, что костюм *в прямом смысле* отличался, ведь образ, который я видел до этого, на самом деле был смутный. А потому, что, как и все, подсознательно испытал разочарование, когда передо мной вдруг предстало воочию то, что я долго лелеял в своих

грезах.

Сперва выпросить у мамы этот костюм не удалось, поскольку для нее это было так же неожиданно, как в моральном – она еще не успела привыкнуть и к предыдущей маске – так и в материальном смысле. Но спустя месяц или меньше он был уже у меня. Как всегда, сложнее всего просить в первый раз. Но потом, когда железный запрет падает и родители делают одно исключение, словно нехотя растопыривают толстые жалюзи, приоткрывается *возможность*, потому что они смягчаются по отношению к конкретному случаю, принимают наконец это новое и в последующие разы просить становится все проще.

С этим костюмом я обращался по-другому. Никого не пугал и не шутил, а просто прохаживался в нем по квартире, словно примерял новый наряд. Подолгу смотрелся в зеркало и думал о том, как же странно сначала видеть это загадочное существо со стороны, а потом, надевая костюм, чувствовать себя ним. Раньше, когда я видел его, мне было страшно. И я боялся до тех пор, пока не купил этот костюм, пока не одомашил и не породнился со своим монстром.

Написать о нем рассказ пришло мне в голову недавно, хотя порой мне кажется, что эта идея зрела в подсознании еще с момента приобретения костюма. Теперь человек с тающим лицом вызывал у меня не страх, а интерес, он стал чем-то личным. Я вглядывался в него, как в образ, перебирал значения, которые возникали в тумане ассоциаций, когда я ду-

мал о нем или наоборот, когда он вдруг вспоминался мне, зацепившись и найдя какое-то сходство с моим мысленным выводом или жизненной ситуацией – иногда напрямую, но чаще абстрактно. В итоге, когда я садился писать рассказ, человек в красном плаще уже не был чудовищем из детства. Это был интересный персонаж, чье тающее лицо наиболее свидетельствовало о зыбкости самоидентификации и идентификации тебя окружающими; о потере и поиске собственного я, если оно существует в завершенном обликии, без сотен ролей, масок и реакций на действительность вокруг. Потому что скорее всего, если бы любое я явило себя миру без всех этих определяющих действий, оно бы и было тающим... размытым.

С момента приобретения костюма и до написания рассказа, все эти годы, я не так уж часто думал об этом персонаже. Но краткие всплески моего увлечения всегда были захватывающими, меняющими сам образ, и в итоге мой теперешний человек с плавающим лицом окончательно отделился от детского представления. Потому я и не предполагал, что встречу его снова.

4

Вторник. Вечер

Я ехал с работы в метро и полностью погрузился в свои мысли. Я всегда возил с собой книгу, которую читал в дан-

ный момент, но сегодня ее не открывал.

Я думал о записях и в голове был кавардак. Перед глазами рисовались отрывки из увиденного, но никаких разумных выводов они за собой не притягивали. Каждое видео было странным и повлекло массу вопросов, но последние два стали особняком среди них.

Когда я поднялся по лестнице на четвертый этаж кирпичной хрущевки, в которой снимал квартиру, и подошел к своей двери, заранее выставив вперед ключ, меня неожиданно обуял страх. Я ощутил себя хрупким и уязвимым, и боялся войти в квартиру. Мне захотелось убраться отсюда, из этого дряхлого дома, мигом телепортироваться, переместиться куда-нибудь... в безопасное место. Например, к себе домой или в людный бар с друзьями, где тепло и весело. Но... что они подумают, если увидят меня таким испуганным?

Друзья, сидящие в баре из моего воображения, вдруг прервали беседу. Все стихло и они в удивлении смотрели на меня.

«Чего ты перепугался?.. Понапридумываешь, как всегда, себе всяких страхов» – эхом отозвались во мне слова мамы, сказанные очень давно, когда я был совсем маленьким, при обстоятельствах, которые я окончательно забыл.

Я взял себя в руки, открыл дверь и быстро зажег свет. Несколько секунд постоял на пороге, осматривая коридор, но после заскочил внутрь и захлопнул дверь, словно источник опасности переместился и теперь угрожал мне снаружи.

Затем я быстро обошел все помещения этой маленькой квартиры, везде зажигая свет и жалея, что у меня нет пистолета. Потные ладони судорожно хватали пустой воздух, в надежде ощутить орудие защиты.

Закончив метаться, я остановился в дверях кухни и заметил, что не моя квартира, к которой я и привыкнуть-то особо не успел, теперь кажется мне совершенно чужой, будто я впервые сюда вошел. Я понял, что отныне буду постоянно бояться здесь находиться. А все из-за того, что последние две записи, которые я смотрел, сделаны в этих стенах.

Чуть больше двух месяцев назад кто-то поставил камеру на шкаф или на коробки, что свалены там, и заснял меня и Катю, с которой мы тогда жили вместе. Запись начиналась вечером, когда я уже вернулся с работы и писал свой рассказ, сидя за столом в углу комнаты возле окна. Стол стоял тогда еще в том углу, в котором был изначально, когда мы въехали в эту квартиру, только недавно мы передвинули его в другой угол. В комнате был полумрак, что сказывалось на качестве изображения, потому что я никогда не писал при общем свете, лишь при настольной лампе, маленький, но с четкой границей, круг света которой отодвигал весь остальной мир за толщу темноты и фокусировал внимание на письме. К тому же, я уже много лет пользовался исключительно одной старой лампой, которую сразу же перевез сюда от родителей, и о которой шутливо отзывалась Катя, советуя мне выкинуть ее наконец и купить что-то поновее и изящнее.

Пока писал, я, кстати, не особо чесался, далеко не так, как на работе. Лишь ручка перемещалась между пальцев в однотипных движениях и иногда лихорадочно царапала стержнем бумагу.

Вскоро вернулась Катя с работы и стала переодеваться в домашнюю одежду. Я закончил писать, подошел к ней и поцеловал ее. Мы поболтали, занимаясь при этом мелкими бытовыми делами, и ушли на кухню. На записи еще несколько минут была пустая комната, неподвижная и омертвевшая без нашего присутствия.

Следующая запись была очень короткой, но крайне необычной. Сделанная на несколько дней раньше, в такое время, когда мы с Катей были на работе, она, как и предыдущая, начиналась с панорамы нашей комнаты, только теперь вместо полумрака ее заливал солнечный свет. Но эту панораму сняли с другого ракурса – с высоты человеческого роста посреди комнаты, где не было никакой мебели. И камера вращалась вокруг, медленно обводя своим стеклянным глазом бытовое убранство.

Периодически – за пару минут это случилось несколько раз – камера быстро прокручивалась вокруг себя, из-за чего изображение смазывалось. Но даже в этом сплошном потоке было ясно видно, что в кадре мелькает что-то еще, кроме стен и мебели. Это был силуэт в красном и лицо, плывущее в сторону, словно тающее... и утекающее в размытость последующих изображений. Сливающееся с размытыми пальцами

и ладонью, которые держали камеру. Огромными пальцами, что казались таковыми из-за близости к объективу, попадая в кадр при этих резких оборотах.

Сейчас я сидел на кровати и смотрел на то место, где действительно была камера во время первой записи. Я уже все там обшарил и не понимал, как ее там так удачно расположили. И как это мы ее не заметили? Хотя, часто ли поднимаешь голову, глядя на шкаф? Часто ли вообще поднимаешь голову, пребывая в каждодневной суете?

Я чувствовал немое давление стен этой чужой комнаты и вышел перекурить. Но на балконе мне не стало легче, поскольку я постоянно оглядывался в комнату, боясь, что кого-то там увижу, подкрадывающегося со спины.

Порой мне казалось, что я вообще больше не смогу здесь находиться, после того, что узнал. Ведь для человека, который снял это видео – неважно, кто это – не было никаких преград. У него были ключи от моей работы и он знал код сигнализации. Одного кода из тех, что мы пользуемся, вполне достаточно, но у каждого он свой и даже сотрудник не знает моего кода, а я – его. У этого человека были ключи от квартиры и он мог прийти сюда в любое время! Может зайти ночью, если пожелает, когда я буду спать. Он уже был здесь, ходил по этому полу, меж этих стен. Я прямо-таки осязал след чего-то инородного, заразивший помещения. Это что-то преследовало меня уже давно, а я даже не догадывался.

Я прослонялся весь вечер, мучимый тревожными мысля-

ми, так и не взявшись за какое-то конкретное дело. Даже аппетит пропал, хотя обычно, что бы со мной не происходило – это никогда не отражалось на моем желании постоянно есть.

Я выкурил, наверно, полпачки сигарет за вечер и решил придаться избавительному сну. Но разумеется, сразу заснуть мне не удалось, глупо было даже надеяться. Стоило мне закрыть глаза, как меня охватывала уверенность, что в комнату сейчас кто-то зайдет. Я видел сквозь завесы век, ставшие прозрачными, как входит человек с тающим лицом и склоняется надо мной. Я пытался это игнорировать, но тщетно. Страх и ожидание настолько сдавливали гортань, что становилось трудно дышать.

Наконец я не выдержал, вскочил с кровати и зажег свет. Направился на кухню, первым делом бросаясь к выключателям, и взял самый большой нож, который нашел. Затем посмотрел на другие ножи и подумал, что если злоумышленник все же проникнет в квартиру, то у него будет гораздо больший выбор, чем у меня. Я сгрузил в один ящик все ножи, вилки и другие острые принадлежности и осмотрелся вокруг. Впрочем, он может прийти и со своим оружием, да и кастрюлей можно хорошенько дать по голове, но не могу же я вынести весь кухонный инвентарь, это уже чистое безумие. Однако, я все же взял ящик с острыми предметами и отнес его в комнату.

Я обошел всю квартиру, проверил защелки окон и запер все двери, даже в ванную. Входную дверь я хотел подпереть

стулом, поскольку это была старая хлипкая дверь, которая вряд ли выдержит крепкий удар плеча, и открывалась она вовнутрь. Хотел подставить его спинкой под ручку и упереть в пол под углом, но все стулья оказались короткими – спинка достигала ручки, только если поставить их ровно. Тогда я все же упер стул в дверь, но гораздо ниже ручки и поставил на него несколько кастрюль, так, чтобы они от малейшего движения упали и загремели.

С дверью в комнату вышло сложнее, поскольку открывалась она в коридор. Я поискал, чем бы ее привязать, но ничего даже наподобие веревки у меня не было. Тогда я взял гибкий длинный шнур в гитарном чехле, предназначенный для подключения ее в комбоусилитель, и после того, как перебрал несколько инженерных теорий, я подсунул к двери письменный стол, за которым я работаю над рассказом, при этом изрядно попотев. Затем я привязал ручку к одной из его ножек. С этим шнуром узлы получались не тугие и слегка болтались, но я по несколько раз обматывал его. Закончив, я упер края стола в лутки дверного проема и максимально натянул шнур. Теперь открыть дверь не получится, ножка стола должна выдержать.

Наконец, почувствовав себя в сравнительной безопасности, я потушил свет и улегся прямо с ножом в руках, пребывая еще в возбуждении, но уже ощутив утомление от физического труда, такого редкого с моей сидячей работой. Сообразив, что во сне могу порезаться, я положил нож под оде-

яло на пустую половину кровати. Еще час я не мог уснуть.

Во сне я случайно дотронулся до холодного лезвия, ощутив его острие, и в ужасе подскочил. Прижавшись спиной к стене, я завертел головой, ожидая нападения, но в темной комнате не было никого. Я разглядел смутные очертания стола, придвинутого к двери, и тогда память окончательно вернулась ко мне. Следовало спрятать нож под матрац, а то мне еще повезло, я вообще мог напороться на него.

Немного успокоившись, я приподнял матрац со своей стороны под стенкой и услышал, как рукоятка цокнула о дерево.

Мне потребовалось еще много времени, чтобы утихомирить учатившийся пульс и изгнать из сердца тревогу. Я реагировал на каждый шорох, особенно, когда затрещало сжатое дерево то ли в тумбочке, то ли в серванте. А после вслушивался в звенящую тишину и она становилась еще оглушительнее. Даже когда я заснул, мне казалось, что я до сих пор вслушиваюсь.

5

Среда

Я проснулся разбитым и меня сразу же посетило жгучее желание кому-то рассказать о всей этой истории. И лучше не кому попало, а своему другу. Говорить об этом с кем-то мало знакомым я не хотел, несмотря на жажду поделиться. Но, чтобы увидеться с Костей, мне нужно дождаться выходного,

который будет через несколько дней. Конечно, можно съездить и после работы, но потом по ночи возвращаться сюда мне совсем не улыбается в сложившихся обстоятельствах. К тому же на выходной у меня будет достаточно времени, чтобы глянуть записи на видеокассетах, так как видик есть только у родителей.

Меня словно окутывал плотный саван ядовитого тумана, когда я думал о других записях. Больше всего меня беспокоило, что они на дисках и видеокассетах, значит они старше?

Первый ответ я смог получить лишь около трех часов дня.

В последнее время было слишком много работы, и часто, когда мне кто-то звонил из родственников или приятелей, приходилось сбрасывать. По закону жизни денег это не добавляло. Но меня сейчас не волнуют мои бытовые проблемы в общем, меня лишь раздражает, что я не могу выделить время на тревожные и актуальные вопросы. Ведь такое произошло, но работе об этом неизвестно.

Я вставил диск, запустил изображение и сперва ничего не понял.

На экране был стеллаж с водкой, съемка велась в продуктовом магазине. Изображение охватывало лишь часть напитков, сверху его закрывала черная полоса, очевидно, камеру прицепили на стеллаже напротив. В поле зрения появились покупатели. Они разглядывали бутылки, периодически брали какую-то в руки, или сразу клали в корзинку, и шли дальше.

Запись начиналась в 11-52 и я стал понемногу перематывать, приближаясь к двенадцати. Изображение было хуже по качеству, чем на флэшках, однако, благодаря близкому расположению, я мог различить названия на некоторых бутылках, другие узнавал по цвету этикеток. Я был таким знатоком отнюдь не из-за большой любви к водке, я ее пил очень редко. Просто когда-то я работал...

От неожиданности я вжался в стул! На экране появился я, спокойным шагом подошел к стеллажу, в руке у меня была синяя папка. Я был презентабельно одет – рубашка и брюки, но... у меня были длинные волосы! Но ведь это я же?!... Да и рубашка старая, я ее уже давно не ношу.

Когда волна шока минула, я повнимательнее взгляделся в дату и увидел, что эта запись сделана больше трех лет назад. Циферки даты на этот раз были столь маленькими и расплывчатыми из-за плохого качества, и терялись в углу возле крупных цифр часов и минут, что мое восприятие само нарисовало желаемый год, когда я бегло взглянул на них в первый раз.

На экране, между тем, я спрятал папку вглубь стеллажа, положив ее на дальние бутылки, и обратился к первому покупателю, заинтересовавшемуся водкой. Было 12-04.

Теперь до меня дошло. В те времена я работал продавцом-консультантом на водке и представлял определенную торговую марку, а когда у меня спрашивали – кто я такой, я врал, отвечая, что консультант магазина. Я уже не помню

точно, но вроде бы моя смена часто была с двенадцати до пяти. Это была работа для студентов, хотя я студентом не являлся. И у меня тогда были длинные волосы.

Так что же это получается? Этот псих, что следит за мной, делал это на протяжении нескольких лет? Я ощутил легкое головокружение и тяжесть в груди. Мне резко захотелось курить, но впереди меня еще ждало два диска.

Я пошел в туалет и умылся холодной водой. С зеркала на меня взглянул испуганный молодой человек с узким бледным лицом, с которого стекала вода. А что, если и это записывают – как я смотрюсь в зеркало? Я огляделся вокруг, затем пошарил на полках с бытовой химией, но камеры не обнаружил. Да и что конкретно я искал, как должна выглядеть эта камера? Я ее представлял в виде черного продолговатого цилиндра размером с палец.

Я вышел на перекур. В голове был кавардак, даже сигарета не помогла. Я оглядел каждый сантиметр решетки, камеры не было и здесь. Нужно знать, что искать!

Я стремительно вернулся к своему рабочему месту, миная стол сотрудника, стоявший напротив моего. Сотрудник лишь на мгновение оторвал глаза от монитора и безучастно взглянул на меня. То ли он привык к моим периодическим спонтанностям, то ли, как всегда, погрузился в свое занятие настолько, что нарочно или же на самом деле отключался от всего окружающего.

Я стал лихорадочно клацать по клавиатуре, вводя в ин-

тернете запрос «шпионские камеры». Нажал «картинки» и с удивлением обнаружил, что они бывают совершенно разные, чаще всего маленькие, квадратные или в виде MP3-плеера. Я бессознательно бросил взгляд на стеллажи у левой стены, откуда велась первая запись. Я часто туда поглядывал. Затем поставил следующий диск.

Человек с тающим лицом был там! Теперь я это точно знаю.

6

Четверг

Всю ночь я плохо спал и часто просыпался. Мне снилось, что фигура в красном плаще заходит в комнату, и я вскакивал, выхватывая нож из-под матраца.

Под утро я погрузился в бредовый полусон, в котором эфемерно связывались и перетекали друг в друга мои тревожные мысли, воспоминания о произошедшем и подспудные ассоциации. Сумрачные формы были повсюду...

Когда я встал, окружающая реальность стала сливаться с моими ощущениями из этих снов. Особенно, когда я был в душе и закрывал глаза, умывая лицо или мою голову. В такие моменты мое, еще не до конца вернувшееся к яви, сознание, будто проваливалось в междумирье, в котором простые бытовые предметы и мои элементарные действия расслаивались и набухали от двойственных значений, словно тающая

бумага в воде.

Путь на работу пролетел незаметно, как будто его совершало тело без сознания. Когда я шел по аллее вдоль каштанов, меня неожиданно захлестнула паника. Я стал оглядывать каждое дерево и вообще все предметы вокруг. Взгляд скользил по забору, массивным стволам и терялся в пышных кронах. Мне казалось, что отовсюду за мной следят камеры. Кто-то снимает мою жизнь! Со всех сторон на меня смотрят глаза. Чьи? Не знаю, но потом, когда я увижу эту запись, то я в будущем буду следить за собой в теперешнем. Прямо так и происходит. Где-то там, впереди я уже смотрю эту запись и вижу себя в этот момент.

Сегодня работать было тяжело. Я выпил «Американо», впрочем, как и каждое утро, и это не дало желаемого результата, поскольку организм привык к регулярной порции. Тогда я выпил еще «Эспрессо» и разум слегка прояснился.

Я понял, что не выдержу еще одной такой ночи и на перекуре позвонил другу. Сразу после приветствия я спросил:

– Слушай, ты не хочешь сегодня ко мне в гости приехать?

– Ты что, мне ж завтра на работу.

– Так останешься на ночь и поедешь на работу прямо от меня.

Костя засмеялся:

– Ну и как ты себе это представляешь? Я работаю рядом с домом, а ты живешь в другом конце города.

– Ну да... – Я замешкался.

– Давай уже завтра, все-таки пятница.

– Завтра?

– Ну. Бахнем по пивку или коньячка даже возьмем.

Костя выдержал паузу. Он хотел пойти проверенным путем – поддержать меня после расставания с Катей теплой беседой и алкоголем. Я ничего не отвечал.

– У тебя все нормально? – спросил он между прочим.

Я не хотел говорить об этом по телефону. Я огляделся, мне казалось, что меня подслушивают.

– Да так себе... – ответил я. – Кое-что произошло... Как раз хотел об этом с тобой поговорить.

– Что случилось? – насторожился он.

– Слушай, а давай я приеду и мы встретимся. А переночую у родителей.

– Хорошо... Точно не хочешь рассказать?.. То есть, ты там как?..

– Давай все при встрече.

Мы договорились на конкретное время и я положил трубку.

До конца дня я был рассеянным, в чем меня не преминул упрекнуть сотрудник.

– Ну что ты такой медлительный?

А потом:

– Ты какой-то странный сегодня.

И я понял, что ярлык повешен, и теперь, что бы я не делал, все будет выдавать мою странность, работать на образ, уже

сформировавшийся в голове у сотрудника, по крайней мере сегодня. А значит, я могу больше не притворяться, делая все как обычно, могу вполне законно отдаться новому образу, в котором меня хотят видеть.

Юра вообще любил наклепать вокруг себя ярлыков, чтобы как можно больше предметов и событий идентифицировать по шкале своего восприятия. Насколько я помню, он никогда не утверждал, что его ярлыки верны и как-то связаны с общепринятым мнением, в отличие от Кости, который часто предполагал, что он – «голос народа». Для него куда важнее было определить – нравится ему это или нет. И он очень любил делиться своим мнением с окружающими, не раз, я думаю, приобретая это самое мнение прямо во время беседы.

«Эта музыка классная, а то вообще дерьмо... Этот коньяк хороший, а вот тот... ну... так себе... Картошка «фри» хорошая только в Макдональдсе, больше нигде такой нету... не тот вкус.»

Ничего особенного в этих примерах нет, особенность заключалась в регулярности, с которой он говорил о таких вещах. Словно доказывая этим окружающим, а больше даже себе, что он человек способный мыслить и выбирать, окруженный понятными ему вещами, создавая таким образом уют.

Я отпросился на два часа раньше под предлогом плохого самочувствия и поехал к себе за видеокассетами. Забыв поесть, я тут же отправился к родителям.

Когда я ехал в метро, люди вокруг показались мне странными. Некоторые периодически на меня поглядывали. Хотя наверно, всегда так происходит. Люди сидят лицом к лицу в движущейся банке под землей и девать глаза некуда, вынуждены время от времени друг друга разглядывать. Но сейчас это воспринималось иначе. Многие спасались от навязчивого присутствия других, уткнувшись носом в телефон или книгу, но мне было некуда деваться. Я ощущал на себе неосязаемое прикосновение черных зрачков, брошенных на меня сквозь пустоту вагона.

А может, человек с тающим лицом тоже здесь? Может, он обрел силу, потому что я о нем писал, и теперь он всегда со мной? А значит, это он снимал видео?

Бред! Полный бред!

Может, это кто-то из друзей решил пошутить? Но это не похоже на шутку. Тогда может всерьез... кто-то из друзей.

Я был уверен на сто процентов, что это не мой лучший друг Костя, с которым я сейчас должен встретиться. Ладно, на девяносто девять процентов.

Я перебрал в голове всех моих друзей, товарищей и близких знакомых, сотрудника теперешнего и пару предыдущих. Среди них было не много тех, кто меня хорошо знал, но... я даже не знаю. Сложно представить – кому это может понадобиться и зачем?

Но я же видел там человека с тающим лицом! Он был не на одной, а даже на нескольких записях. Точь в точь, каким

я его видел в детстве (если это было на самом деле). Точь в точь, каким я его описал в своем рассказе. Точь в точь, как...

7

Четверг. Вечер

– Даже не знаю, что сказать. У тебя есть хоть какие-то мысли – кто это вообще может быть? – спросил Костя.

– Без понятия, – ответил я.

Я не хотел рассказывать другу про человека с расплавленным лицом. Хотя он знает о его псевдо-существовании, раньше я делился с ним историями из детства и говорил, что собираюсь написать о нем рассказ. Но сейчас не приплетал его к сложившейся ситуации, не говорил, что видел его на этих записях. Это напоминало безумие, а я не хотел выглядеть как сумасшедший в глазах своего друга. Тем более такого друга, как Костя, ведь он видел окружающий мир схемами. Всегда все четко разграничивал. Иногда казалось, что он смотрит на реальность через прозрачный листок в клетку – одно явление там, другое здесь, каждое на своем месте. Хотя бывало он преподносил сюрпризы, которые шли в разрез с этим мнением. Впрочем, судить его линейно – это прибегать к его взгляду на жизнь.

Но может, все-таки стоит рассказать об увиденных странностях, без этого история получается не полной. А то еще Костя, чего доброго, сочтет меня трусом, ведь в данных об-

стоятельствах мало чего стоит так пугаться, кроме человека с тающим лицом. Расскажу, только надо выбрать подходящий момент, не могу же я просто так взять и выложить это, как кулинарный рецепт.

Мы сидели в лесу недалеко от наших домов, с которым нас связывает множество воспоминаний. Но сейчас мы пришли сюда отнюдь не из-за ностальгии, а чтобы скрыться от чужих глаз. Мне было бы гораздо сложнее говорить о произошедшем, если бы рядом проходили люди.

Я успел рассказать ему о содержании записей на флэшках и одном диске, на котором запечатлена моя старая работа продавцом-консультантом. Затем я поведал о странном обнаружении коробки с записями.

– Так это что, кто-то из наших ее там оставил? – в смятении спросил Костя.

– Нет, не думаю, – ответил я.

– Ну как же? Ты ж сам говоришь, что коробка появилась через день-два после этой гулянки.

– Дело в том, что у того, кто делал эти записи, скорее всего есть ключи от моей квартиры. Одно ж видео снято прямо в комнате! Он мог притащить коробку, когда угодно. – Я задумался. – Но то, что коробка появилась где-то во время той гулянки может быть совпадением, а может и нет. Может, он хотел, чтобы я нашел ее, когда все были у меня дома? Хотел выставить меня идиотом или думал, что я начну подозревать всех и каждого? Может он...

– Кто «он»? – спросил Костя.

– Да откуда ж я знаю!

После короткой паузы он сказал:

– Ты лучше не накручивай себя. Тут и так все очень странно.

Я взглянул на него, потом отвел глаза в сторону. Некоторое время мы молчали, периодически поглядывая друг на друга и медленно попивая пиво, почему-то не выпуская бутылки из рук, хотя между бревнами, на которых мы сидели, лежал на пеньке кусок ДСП, заменявший стол.

Я окинул взглядом зеленые окрестности. Лес был лиственный, ни одного хвойного дерева, южный киевский лес. Вокруг буяла дышащая ярко-зеленая жизнь, равнодушно и отрешенно покачивающаяся на ветру. Высокие стволы уходили в вечернее небо, где шумела глухая листва. Рядом располагилась небольшая поляна, исполосованная несколькими тропинками, вытоптанными тысячами ног на протяжении тысяч часов.

– С Катей виделся, созванивался? – нарушил молчание Костя.

Видимо, он просто хотел заговорить и спросил первое, что пришло ему на ум. Стандартные дежурные вопросы «о ком-то», чтобы не молчать.

– С чего бы мне с ней видаться... и созваниваться тоже, – ответил я.

Друг посмотрел на меня и его губы растянулись в горькой

ухмылке, тоже в общем-то дежурной.

– Ясно.

Он потупился в сторону. Казалось хотел что-то добавить.

– Ты считаешь так лучше? – наконец решился он.

– Да, – ответил я, разглядывая кострубатый куст возле себя.

Вокруг не было ни души, ветер приятно обдувал непокрытые руки, пиво еще не заканчивалось, и я почувствовал уют. Проблемы, из-за которых я сегодня встретился с другом, отодвинулись на задний план и я ощутил интерес к беседе. Главной причиной было то, что я хотел говорить о Кате, хоть и не признавался себе в этом.

– Конечно же, в чем-то и хуже, – продолжал я. – Но если посмотреть в общем, то плюсов больше... С ней было очень сложно.

– С барышнями всегда так, – сказал Костя.

– Да, всегда есть какие-то проблемы, но у нее были такие заскоки, которые я уже просто не мог переваривать.

– Ты говорил об этом, – кивнул друг.

– Да, это... это просто капец.

Я не рассказывал ему о конкретных примерах, всегда говорил обобщенно. И дело не только в том, что я не люблю делиться деталями отношений, разве что смешными или обычными историями, если они к месту и красиво звучат. Просто все оттенки этих странных ситуаций сложно обличить в слова, передать их должным образом, потому что они ни-

как не соотносятся с моими моделями мышления. К тому же эти заскоки были действительно идиотскими, и пытаюсь рассказать об этом, я сам чувствовал себя дураком, словно соучастником этого идиотизма. А от него хотелось отречься и зачеркнуть, выписать ярлык «ненормально» и не докапываться глубже.

Но вдруг я стал говорить, будто на автомате, без предварительного решения:

– Я наведу тебе пару примеров, чтоб ты понимал... э-э... насколько все серьезно.

Костя посмотрел на меня в ожидании, но также в лице его читалась снисходительность. Видимо, он считал, что услышит набор стандартных проблем совместной жизни.

– Вот когда мы список составляли... продуктов. Обычно их составлял я, а она рекомендовала, что писать. И я иногда делал ошибки, чиркал, а еще любил наводить буквы. А ее это бесило. Притом не так, типа «Блин, ну ты как всегда», а – нет, она действительно расстраивалась и говорила, чтобы я писал список заново. Я разумеется артачился и начинался скандал... По любому поводу на помощь ей подтягивались прошлые обиды.

Я замолчал на несколько секунд, собирая воспоминания, и при этом оценил вызванный эффект – во взгляде друга больше не было снисходительности.

– Да ее могло вогнать в депрессию, что я дотронулся до ее вещей грязными руками, – продолжал я.

Трудно было достать и втиснуть в рамки слов первое воспоминание, но теперь они хлынули потоком, цепляясь одно за другое.

– Притом руки не в грязи, а просто пришел с работы и не успел помыть их после кнопок лифта и поручней метро, которые мацают все... Ну не в депрессию конечно, она всегда быстро отходила, но в тот момент это для нее вдруг становилось таким важным. – Я покачал головой. – Такая вот педантичность, хотя в некоторых вопросах она была даже не аккуратной. Вот, например, пыль никогда не протирала. И ее вещь какая-то могла быть уже не новой, и не первой свежести, но все равно ее нельзя было трогать руками, ты представляешь? Такая вот педантичность вместе с таким неряшеством в одном флаконе.

Да... – задумчиво сказал Костя. – Блин, а я то думал, что первый признак педантичности у барышень – это постоянно вытирать пыль.

Он засмеялся.

– Та у них всегда все по-разному, – ответил я. – И ты понимаешь, если у нее сейчас такие заскоки, то что будет в сорок лет? Обычно с возрастом лучше не становится.

Я замолчал и сперва почувствовал облегчение от того, что сумел все-таки поделиться. Но тут же последовало разочарование, поскольку мои мысли, вслед за высказанными ситуациями, стали заполнять оттенки и частности, широкий багаж контекста. И все это просто не способно преобразовать-

ся в слова, а я лишь передал наброски проблемы.

Некоторое время мы молча пили пиво. Костя достал из кармана пачку соленого арахиса, раскрыл и начал жевать. Предложил мне, я отказался. Я ощутил какую-то скованность по рукам и ногам.

– А что там на других записях? – спросил он.

– Не понял.

– Там же ж были другие записи на дисках. Ты не досказал, что там снято.

– А... та на самом деле ничего особенного, все в том же духе, – ответил я.

Вранье! Там периодически появлялся человек с плавающим лицом, мелькал красный плащ. Но сами записи действительно не отличались от остальных.

– По-моему, четыре съемки, – продолжал я. – Одна велась с окна подъезда утром и вечером, когда я шел на работу и возвращался домой. Потом одна где-то возле базара, я там просто проходил мимо. Короткие записи, просто слежка. – Я запнулся от того, с какой легкостью это произнес.

– На одной есть даже мы с тобой! – Я сделал вид, будто только что об этом вспомнил.

Видимо, я пытался снизить эффект беспокойства, и возможно, придать нотку юмора к данной ситуации.

Друг удивленно взглянул на меня.

– Похоже камеру прицепили на дерево, а мы сидели рядом на скамейке и о чем-то трюндели.

– И мы не заметили камеру? – спросил Костя.

– Так она ж наверняка маленькая, – ответил я.

– А давно эта запись сделана?

– Судя по дате – около четырех лет назад.

Костя хотел что-то сказать, но потом его остекленевший взгляд обратился внутрь.

– Слушай, я хочу ее увидеть.

– Ну так увидишь, когда будешь у меня. Я возьму из дома ноутбук и...

– Дружище, но я же сегодня...

– Да я помню, что ты сегодня не можешь, я имею ввиду завтра, – пояснил я.

Я надеялся, что обойдется без лишних уговоров, что Костя сам поймет насколько мне страшно и предложит остаться у меня на выходные, но он был в растерянности. Неудивительно, ведь он не до конца понял проблему, поскольку знает не все. Я вздохнул и продолжил:

– Послушай, может ты останешься у меня на все выходные. Придумаем что-то веселое, плюс записи посмотрим. – Я замешкал. – Дело в том, что там еще кое-что есть... на этих записях.

– И что же?

– Вот сам и увидишь.

– Нет, ну так не делается, – возмутился Костя.

– Понимаешь, я переживаю, а вдруг мне это показалось. Там это мелькает очень быстро и я не уверен... – Я запнулся.

– Слушай, ну нельзя вот так заинтриговать, а потом давать заднюю. Уже начал говорить, так доскажи.

Я молчал.

– Что там мелькает? Скажи – чего мне ожидать! – Наседал Костя.

– Мне кажется... – с трудом начал я, – что я видел там человека в красном плаще... Про которого я пишу рассказ. Которого я вроде как видел в детстве. Я не знаю... – Я замолчал, пощипывая нижнюю губу.

Друг смотрел на меня в удивлении и даже с подозрением, затем отвел глаза. Очевидно, в голове его пролетало множество мыслей, но за последующие пять минут он не проронил ни слова.

После я спросил:

– Так что, ты приедешь ко мне?

Костя вырвался из раздумий и взглянул на меня.

А может мне и вправду показалось на видео?

– Да, конечно приеду, – ответил он. – Посмотрим записи и все обсудим.

8

Четверг. Вечер

Мои родители никогда не отличались особым тактом и часто любили совать нос в мои дела, но сегодня, когда я позвонил им и сказал, что заеду за ноутбуком и гляну кое-что

на видеике, они избавили меня от лишних расспросов. После краткой дежурной беседы об общих вещах я удалился в комнату и поставил первую кассету.

И увидел складки красного плаща, закрывавшего большую половину изображения! Затем плащ отодвинулся в сторону, исчезнув за пределами экрана и открыл панораму этой же комнаты в квартире родителей. Запись начиналась около трех часов дня, и судя по ракурсу, камеру положили на коробки на шкафу. Тот же принцип, что и при съемке в моей квартире, правда здесь верхнюю часть изображения закрывало что-то темное и ворсистое, видимо камеру прикрыли тряпкой.

Только эта запись была семилетней давности!

Я стал перематывать, поскольку на экране ничего не происходило. Очевидно, камеру поставили, пока никого не было дома: родители на работе, а я был в школе. Боже, подумать только, как давно это было! Неужели еще с тех пор длится эта слежка, со времен, когда я был школьником? А значит, у преследователя уже столько лет есть ключи от этой квартиры?!

Я почувствовал, как к горлу подкатывает страх, заволакивая дыхательные пути и огляделся вокруг.

После длительной перемотки на экране наконец появился я. Подойдя к столу, я стал выкладывать на него учебники и тетради из рюкзака. На тот самый белый стол, окрашенный под мрамор, за которым я сейчас сижу. На записи не было

видно деталей декора, но стол был таким же, шторы были такими же, вся комната была почти идентичной, только я был другим.

Волосы у меня были еще длиннее чем, когда я работал продавцом-консультантом. Да и сам я был худее, даже на таком низком качестве это заметно. На мне были черный пиджак и брюки, висевшие на мне, как на вешалке, которые в данный момент я стал снимать. На костюме, помнится мне, еще были тонкие светлые полосы, но на записи их не было видно. Судя по дате, это был мой выпускной класс.

Я не помню, когда я последний раз носил такую одежду. Да и вообще это так странно. Странно видеть себя со стороны так давно.

Моя бытовая жизнь продолжалась, а камера все фиксировала. Я сложил учебники и тетради в нижние ящики серванта, что произошло за пределами изображения, я лишь увидел себя, нагибающегося с охапкой книг. Просто я вспомнил эту ежедневную процедуру, наваянную аккуратностью моей мамы, когда непроизвольно отвел глаза от экрана и бросил взгляд на эти самые ящики. Я быстро переоделся в свободные джинсы и кофту, и вышел из комнаты, очевидно, пошел на улицу. Может, я еще заскочил на кухню и перехватил пару бутербродов с чаем, как это обычно делал, а может ушел сразу, но в комнату больше не вернулся.

Я отрывочно проматывал вперед, но последующие минут 15-20 ничего не происходило.

Вдруг камеру сдернули со шкафа, но выключать сразу не стали. Сперва ее покрутили вокруг. Изображение выхватило все уголки моей комнаты, а также в один миг – кусочек красного плаща. Затем экран погас.

Я посмотрел на то место возле шкафа, где предположительно стоял оператор, и тут же поставил вторую кассету. Как только появилась картинка, я взглянул на дату. Эта запись сделана на полгода раньше, то есть почти восемь лет назад. И здесь съемка велась в прихожей.

Все отработано по прежним принципам: камера расположена сверху, на этот раз она на стойке с вешалкой, где лежали шапки; запись начиналась днем, когда в квартире никого не было.

Весьма рискованное место для камеры, ведь ее мог обнаружить любой, кто бы потянулся за шапкой. С другой стороны, в конце мая вряд ли кому-то бы понадобился головной убор.

Вдруг мне яркой фотографией вспомнился эпизод из прошлого, видимо, как раз из той поры. Я хотел что-то достать наверху и, когда шарил там рукой, какой-то твердый предмет завалился за вешалку и застрял между стеной и ею. Я, кажется, удивился и гадал – что это может быть среди мягких шапок. Я прильнул к стене, насколько мне позволяла тумбочка для обуви, упирающаяся в ноги, и висящее сбоку зеркало, и заглянул за вешалку, но там было полно мусора и все затянуто паутиной. Там действительно виднелся какой-то пред-

мет, и не маленький, но я не переношу пауков, к тому же копошиться в такой грязи было совсем неохота, плюс я куда-то спешил, поэтому решил прикинуться, будто ничего не произошло. Я ожидал, что вскорости меня кто-нибудь спросит: не находил ли я на вешалке какую-то вещь, но ничего подобного не произошло, и со временем я и сам забыл об этом происшествии.

Воспоминание пригвоздило меня к стулу. Неужели я еще тогда мог обнаружить предмет слежки? И не маленькую шпионскую, а судя по габаритам той вещи – обычную видеокамеру. По крайней мере в те времена он следил за мной именно с помощью нее, ведь лежала она на том же месте, откуда сейчас ведется запись.

После перемотки на экране появился я – прошел через прихожую и отправился в комнату. Наверное, только вернулся со школы. Боже, да я же тут совсем еще ребенок!

Я подумал, что нелогично было поставить камеру в прихожей, ведь я там редко появлялся.

Я стал перематывать дальше и неожиданно на экране замелькало *красное*. Цвет был тусклый из-за плохого качества записи, но все равно он выделился на фоне остального. Я поспешно нажал на паузу и перемотал назад. Нажал «Play» и увидел, как человек с тающим лицом в красном плаще вышел из моей комнаты. Но как такое возможно? Недавно же я туда заходил!

Мое сердце сдавил обледенелый кокон. Я сидел, не отры-

вая глаза от экрана, а человек с расплавленным лицом подошел к зеркалу в прихожей и стал разглядывать свое отражение, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Само зеркало мне не было видно, но я хорошо помню, где оно висит.

Через секунду страх отступил, поскольку до меня дошло, что это я сам в этом ужасном костюме. Вскороости, будто в подтверждение, я снял маску. Покривлялся своему я из зеркала и снова надел ее. И дальше стоял в красном плаще и тающей маске, изучая свое отражение. Так продолжалось еще долго.

Но откуда же он знал, что на этот раз я буду в прихожей такое выделывать, чтобы не пропустить это и поставить камеру именно там? Откуда он знал, что будет?

9

Понедельник

Выходные Костя провел у меня. Мы просмотрели все записи и исчерпывающе обсудили ситуацию. Мне не показалось – человек с плавящимся лицом действительно мелькал на них. Он тоже это увидел и в первый день был шокирован. Но подозрительность не исчезла из его взгляда, и теперь я не знаю – она обусловлена обстоятельствами или он в чем-то подозревает меня.

Однако меня не сильно беспокоит этот вопрос. Когда в

воскресенье во второй половине дня Костя уехал, и я снова остался один в квартире, мне уже не было страшно – вот, что самое главное. Разумеется, мне и не было спокойно, как прежде, но все же я более не менее провел вечер и лег спать. Конечно, я спрятал нож под матрац и придвинул стол к двери комнаты, а ящик с другими ножами, вилками и прочими острыми предметами я так и не вернул в положенное место на кухне, он до сих пор стоял у меня под кроватью. Но сейчас все это ощущалось больше формальностью. Опасность миновала.

И дело тут не только в том, что друг меня успокоил. На самом деле от него редко исходило успокоение, лишь от его присутствия. Просто, вследствие наших долгих обсуждений, эта ситуация уже стала узнаваемой. Она вошла в мою жизнь и уже была готова выйти из нее. А может, она уйдет без логического завершения, так же, как и появилась. Ведь так бывает, странные события нагрянут из ниоткуда, войдут в твою жизнь, а потом безболезненно исторгнутся из нее, как отживший себя паразит. Хочется верить.

Ночью я несколько раз просыпался и меня захлестывал смутный и неопределенный страх. Я пытался себя утихомирить и засыпал.

Тогда до меня дошло, что мое спокойствие очень зыбкое, как всплеск хорошего настроения после долгой грусти. И одной из его причин было то, что Костя заполнил собой безмолвно звенящую пустоту, которая резонировала, отражаясь

от стен квартиры. Ту пустоту, которая заявляла о себе любыми мелочами после расставания с Катей. Ведь, когда она была рядом, я видел только ее – живую и настоящую, с амбициями и энтузиазмом, а теперь обращаю внимание на стены и потолок – абсолютно мертвые, как будто и не впитавшие звуки жизни, которая теплилась здесь недавно. Нет, это всего лишь место, где это происходило. Где жили два человека, создавая, иногда приятный бытовой шум, изгоняя тем самым тишину, но не замечая этого из-за его обилия и непринужденности, а сейчас живет один, за редким бытовым шумом которого тишина наступает еще более явственно. Стены, да и вся квартира, были мертвыми всегда, Катя не оживляла их, просто, когда она была здесь, я этого не замечал.

Утром, собираясь на работу, я мысленно вернулся к нашим с Костей обсуждениям о том, *кто* бы это мог быть. Мы поставили под подозрение многих наших друзей, знакомых и сотрудников по работе, примеряя на каждого роль антагониста. Иногда это скатывалось к юмору, и я думаю, что для нас, а в особенности для меня, этот юмор был спасительным. Под конец наших бесед это напоминало ленивую игру в «угадайку», в которой мы ловили призрака, зная, что никакого призрака не существует.

Когда я пришел на работу, пройдя по аллее вдоль каштанов, где велась одна из записей, ко мне стало возвращаться ощущение слезки. Выпивая кофе с сигаретой возле входа в магазин, я с подозрением смотрел на редких прохожих

и пристально вглядывался в салоны припаркованных рядом автомобилей. Наш магазин расположился не «лицом» к дороге, а выходил на задний двор, поэтому тут вполне мог кто-нибудь притаиться.

Сегодня я был один на работе и теперь даже тут ощутил навязчивое присутствие стен. Однако здесь, в связи с моей паранойей, они уже заявляли о себе, как живые организмы, с глазами и холодными бетонными телами. Я понимал, что сам наделил их новыми способностями, что по сути-то дело не в них и беспокойство приходит по другим причинам, тем не менее я смог выдержать давление стен не более получаса, периодически отвлекаясь, а после меня охватил гнев.

Я стал обшаривать все вокруг: на стеллажах и полках, за зеркалом и на подвесных крючках – ища камеру. Чехлы, смазки, запчасти в герметических пакетиках разлетались во все стороны. Видимо, после успокоения наступил период, когда я непроизвольно обратил свой страх в агрессию. Ничего не обнаружив, я резко подошел к рабочему столу, взял сигарету и вышел перекурить, старательно поддерживая хрупкую иллюзию, превращая страх в злобу, каковой самой по себе не было.

Спустя несколько часов меня настолько поглотила работа, что я немного расслабился. Затем я поднял все разбросанные товары и вернул их на прежние места. Сделав это, я почувствовал себя глупо, хотя...

Вскоре позвонил Костя и поинтересовался моим мораль-

ным состоянием. Я ответил, что состояние более не менее в норме, мы обменялись несколькими дежурными фразами, на том разговор и закончился. Мне не особо хотелось сейчас с кем-то говорить.

Однако, не прошло и часа, как мне позвонил один знакомый, в прошлом даже друг, которого я знаю много лет. Он предложил встретиться на пиво, в очередной раз напомнив, что мы стали редко видеться в последнее время. «Последнее время» в данном случае – это несколько лет, и в иной раз я бы согласился, все-таки этот человек мне интересен, он так же, как и я, одержим искусством.

Как-то, в классе девятом, мы даже пытались снимать кино на любительскую видеокамеру, которую я взял у дяди. С нами еще был наш старый товарищ и промышляли мы это дельце на заброшенной стройке. Сюжет был прост и глуп, в большинстве мы придумывали его на ходу, но зато вдоволь повеселились, а главное – относились к своим ребячествам вполне серьезно.

Сейчас, вспомнив об этом, я почувствовал ностальгию, которая посещает меня часто при мысли и встрече с этим человеком. Но сегодня я не хотел никого видеть, поскольку мне было бы тяжело и противно притворяться, будто ничего не произошло, а делиться сложившейся ситуацией с кем-нибудь кроме Кости я пока не собирался. Поэтому я, извинившись, отказался и предложил встретиться в конце этой или в начале следующей недели.

– У тебя все нормально? – спросил Олег.

Может, что-то в голосе выдало мое нестабильное состояние, но я тут же ответил, что у меня «даже отлично» и заверил, что позвоню ему в конце недели.

Близко к завершению рабочего дня последние нотки агрессии покинули меня. Я спокойно шел к входной двери магазина на очередной перекур, когда увидел через ее стекло человека с тающим лицом. Он стоял в решетчатой пристройке прямо напротив входа и смотрел на меня! Я ощутил, как тугой комок изнутри подобрался к горлу. Пьянящий, чуть не сваливший меня с ног. Буквально через секунду фигура в красном развернулась и исчезла по направлению к выходу из решетчатой пристройки. Дальнейший обзор мне не позволяли ограничение окна в двери.

На дворе был день, ярко светило солнце и только поэтому я сумел собрать всю волю в кулак и выйти из магазина. Будь на улице ночь, у меня, разумеется, не хватило бы мужества. Я взял с собой кнопку вызова охраны и металлическую палку с пластмассовым изогнутым наконечником для вывешивания товара на высоко расположенных крючках.

Сперва оглядел окрестности через окно, насколько позволяли его границы, а после распахнул дверь и выбежал, замахиваясь палкой. А вдруг он где-то здесь притаился? Сердце бешено колотилось. Никого не обнаружив в решетчатой пристройке, я вышел за ее пределы и осмотрелся. Человека с расплавленным лицом нигде не было видно.

Гигантские темные формы окружили меня. Затем они раздробились на миллионы кишачих черных ниток с серыми прожилками, после на звенящие черные точки, которые заполнили все пространство и давили своей необъятностью и непостижимостью.

Я открыл глаза и снова пришли темные формы, но теперь они таяли, обретая смутные очертания моей комнаты. Вместе с комнатой, выплывшей из мрака в полумрак сероватой ночи, я различил две фигуры рядом с моей кроватью. Они стояли ко мне спиной и лицом к серванту, будто что-то там разглядывая, а я обнаружил, что не могу пошевелиться. Фигуры в плащах были так же неподвижны.

Изо всех сил я старался сдвинуть хоть одну из своих конечностей, хотя бы на сантиметр, но ничего не получалось. Мне стало жутко жарко, я почувствовал, как на лбу собираются капельки пота. В какой-то миг мне все же удалось пошевелить правой рукой. Я этого не ощутил, а лишь услышал ее шорох о простыню.

Фигуры резко обернулись и я увидел двоих с тающим лицом! Они пристально уставились на меня. Я хотел закричать, но даже не смог открыть рот. Мое тело было парализовано. Неожиданно я услышал, как открывается дверь в комнату.

Я посмотрел туда, сразу же отметив, что перед ней не стоит стол, и в комнату вошел еще один человек в плаще. Он даже не взглянул на меня, а направился к тем двоим, но когда я перевел глаза на *них*, то обнаружил, что там уже стоит один. Он повернулся навстречу идущему.

Их снова было двое и они неясно зашептались. Только это не было похоже на человеческую речь, скорее на громкий шелест листвы, который стал циркулировать по комнате, то удаляясь, то приближаясь, отталкиваясь от стен, как самостоятельный организм.

Вдруг они снова повернулись ко мне и я различил их шепот:

– Думаешь, он спит?

– Не знаю.

– А что, если не спит.

Их мерзкие лица, утекающие вбок – потерянные, тающие я, заблудшие в ролях и реакциях или наоборот полностью очистившиеся от них, и потому утратившие четкую, но на самом деле иллюзорную, обусловленную лишь действием, форму – не шевелились, но слова исходили от них.

Некоторое время они стояли молча и глазели на меня, затем один из них подошел к кровати и склонился надо мной. Отвратительное расплавленное лицо приблизилось к моему. Мне стало так страшно, что я захотел раствориться, исчезнуть.

– А что, если он не спит и все слышит? – прошептал тот,

что склонился надо мной.

– Не знаю, – ответил другой.

Я до сих пор не мог пошевелиться, но тарасился на них во все глаза. Однако они этого не видели!

Человек с тающим лицом продолжал склоняться надо мной, а я словно вжимался все глубже в кровать, отстраняясь от него.

– Я думаю, что он не спит, а значит ему конец, – прошептал он.

Вдруг я понял, что уже могу кричать и проснулся от своего вопля. Перед глазами снова предстало внутреннее убранство моей комнаты, только залитое желтоватым светом, поскольку у меня не хватило духу спать в темноте после обстоятельств в магазине сегодня вечером.

Я сел и взглянул на дверь. Стол подпирал ее, все как должно быть. Затем я осмотрел комнату и потянулся к ножу под матрасом. Когда я нащупал пальцами твердую рукоятку и ощутил его вес в руке, то почувствовал себя уверенней.

Я встал и начал расхаживать из угла в угол. Во сне я не мог пошевелиться, сейчас же мной овладело лихорадочное возбуждение. Разумеется, людей в красных плащах в комнате не было, я понял, что это сон, как только открыл глаза и по ним ударил свет. Но я никак не мог унять головокружительный стук молоточков изнутри.

Вторник. День

После этого сна, который пригрезился мне около четырех часов утра, мне так и не удалось заснуть. Периодически я погружался в бредовую полудрему, когда вялые размышления сливались сонливыми образами, предаваясь странному, местами судорожному танцу, но тут же просыпался, словно сам себя отдергивая, заставляя бодрствовать. И все время держал нож у себя на груди под одеялом, крепко сжимая рукоятку. Пальцы потели и скользили по полированному дереву, но я и не думал его выпускать.

Незадолго до подъема я задремал крепче прежнего и мне казалось, что человек с тающим лицом снова склоняется надо мной. Его отвратительный лик, сереющий на черном фоне ночи, становился огромным и вытягивался куда-то вдаль, а вокруг его обрамляли темные формы, самоповторяющиеся до бесконечности. В перерывах между этим образом бликами, словно призрачным светом, выхватывались воспоминания и ожившие мысли. Накладывались друг на друга, наслаивались, порождая друг друга. Нарывающий глумливый поток грязи из колодца памяти.

Я открыл воспаленные глаза и почувствовал дикую слабость в руках, которые хотели сжать рукоятку ножа. За окном уже вставало солнце и я медленно поднялся с кровати. Потушив наконец свет я уже не стал ложиться, а принялся вяло собираться на работу.

Сегодня мне даже кофе не помог. Целый день мое состояние смахивало на тяжелое похмелье, но только с физической стороны. А мозг, вместо того, чтобы погружаться в оцепененный полусон, временами спасительный для психики, вязнул в болоте темных мыслей, которые, словно те темные формы из сна, бесконечно множились. Мысли эти иногда неспешно накручивались на костыль серого вещества, превращаясь в длинный горячий провод, а порой являлись в форме ядовитых стрел, отравляющих все вокруг, даже воздух.

Одной такой стрелой было допущение, что со мной не все в порядке, что главная причина всех этих событий заключается во мне. Я вспомнил подозрительный взгляд Кости, когда я рассказал ему о человеке с плавающим лицом, мелькающим на записях. И потом, когда мы проматывали эти записи, он посмотрел на меня так же. Тогда я был настолько поглощен обстоятельствами, что до меня не дошло значение его взгляда, я даже не задумался об этом. Зрительный контакт произошел, эпизод остался в памяти, но как бесполезное фото, потому что восприятие закупорилось. Теперь же я понял и горько усмехнулся. Ведь меня всегда по-дилетантски интересовала тема сумасшествия, я смотрел много художественных фильмов, да и книги хорошие попадались. Такая тематика в тренде, не одного меня она завлекает, но... Неужели теперь это происходит со мной?

Та нет, чушь какая-то! Действительно сумасшедший никогда не задумывается о такой возможности. Хотя может это

завидно четко звучит, но не всегда правда, может наступают просветления и не все так линейно, как бы хотелось. Ведь вся жизнь соткана из сомнений, а такой ее аспект и подавно. Но... если я много раз видел это в теории, в художественном облики, мог ли я сойти с ума и не заметить, потому что слишком проникался этим? Или наоборот *это знание*, не раз осмысленное логически, это увлечение служит мне защитой, не допуская такого исхода?

Я еще долго об этом думал, периодически отвлекаясь на рабочие моменты, которые требовали незамедлительного решения, остальные я отметал сегодня в сторону.

Потом я подумал о своем рассказе. Мысли об отражении искусства в реальности появились у меня после, сперва я вспомнил о нем лишь в контексте, что давно не писал. Обычно в такие моменты у меня возникает раздражение. Ситуация обретает критическую прозрачность, я думаю о ничтожно малом количестве времени, потраченном на писательство, но почти забываю о сумятице, которая была у меня в голове во время работы, да и помимо нее, и начинаю ругать себя и подстегивать. Говорю, что надо писать, ведь я сам этого хочу, просто нужно перестать лениться. Сколько желаемого люди не достигают из-за лени. Иногда к ней пришиваются тернистый путь, а порой и крупные неудачи, но зачастую достаточно элементарной лени. Думаю, что в данном случае я злился не только из-за отсутствия акта писательства, от которого стал зависимым, а и от потери ощущение

ния самореализации.

Но сейчас привычное состояние не завладело мною, мысли тут же вернулись к человеку с тающим лицом, о котором я пишу и который преследует меня. Словно он сошел со страниц книги.

Я окунулся в эту мысль и на меня нахлынуло помутнение. На секунду мне показалось, что окружающая действительность не властна надо мной, что она предстала перед нами в том виде, в каком мы ее знаем, лишь по велению «общего сознания». Ведь есть же теория, по которой человеческий мозг способен менять что-то вокруг себя. Значит, можно допустить, что реальность, какой мы ее привыкли видеть, именно такова лишь потому, что этот ее формат укоренился в сознании большинства людей.

Так что, если я дал жизнь существу, написав о нем, и теперь оно может приходить ко мне не только во сне, но и в реальности?.. Сны мои с каждым разом становятся все отчетливей. А что, если это не мои фантазии, а их мне вкладывают в голову некие темные силы, которые сами являются порождением моей головы, но уже отделились и обрели самостоятельность?

Да, но человек с плавающим лицом не мог сойти со страниц моего рассказа, потому что пишу я его не так давно, а он мелькает на записи, снятой более семи лет назад. Плюс не стоит забывать, что сам этот образ – не моя выдумка, он изначально существовал отдельно от меня, ведь есть же его

костюм.

Но возможно, я на самом деле видел его в детстве!?

Может, это существо, созданное кем-то другим, пыталось проникнуть в наш мир, и я стал своего рода проводником, благодаря своему длительному увлечению, а мое произведение – лишь укрепляющий и завершающий этап в его появлении. Но тогда почему уже так давно у него хватает сил, чтобы делать записи, а показало их мне оно только сейчас? И вообще почему выбрало такой странный путь?

Это была вторая стрела и на мой уставший воспаленный мозг периодически накатывали раскаленные сияния – вспышки размышлений. Но все они были следствием первого удара и ничего нового в себе не несли, так что я топтался на месте и вязнул в стопорящих мыслях.

Сегодня я на работе был один и те немногие дела, за которые приходилось браться, выполнял крайне медленно. Иногда на перекуры я брал с собой палку для вешалок, иногда мог совладать с собой и выйти без нее. За пеленой страха на заднем плане у меня вертелась мысль, что если я буду наготове, то ничего плохого не произойдет, ведь по закону подлости все негативные происшествия приходят неожиданно и застают врасплох. Но может ли мое знание и ожидание их остановить?

На перекуре я делал затяжку одну за другой, а взгляд мой стремительно прыгал по окрестностям. Любые места, где мог спрятаться злоумышленник – за углом, за машиной, за ство-

лом дерева – притягивали глаза. Руки подрагивали, а с ними и сигарета. Все окружающее готовилось наброситься на меня.

Вдруг я подумал, что напоминаю сейчас наркомана без дозы и мне стало стыдно. Но я отчетливо ощущал пристальный взгляд невидимых глаз, следивших за мной. А может, ничего этого нет, по крайней мере сейчас, может, не стоит усугублять свое и без того тяжелое положение. Периодически я успокаивал себя этим, но погасить полностью внутренний пожар не удавалось.

Когда я выходил в туалет и возвращался назад, порой мне казалось, что в магазин кто-то проник за время моего отсутствия. Я чувствовал невидимую сущность, притаившуюся где-то в помещении. Тогда я брал в руки палку и обходил магазин, замахиваясь ею перед каждым поворотом за стеллаж или стойку для одежды. В остальное время палка «поселилась» возле моего стола, а кнопка вызова охраны – под столом, на выездной полке для клавиатуры, на которой клавиатура моя никогда не стояла.

Если бы можно было закрывать дверь на ключ, хотя бы на то время, пока я выхожу в туалет, но к сожалению, нельзя. Клиент подойдет, дернет ручку и уйдет, а потом, если я вообще услышу, его догонять и возвращать – это глупо.

Вот в такой сумятице я провел весь день, слабо понимая, что происходит.

По его окончании, когда я уже выключил компьютер и все

приготовил к выходу, я снова пошел в туалет. Вернувшись, я взглянул на монитор, через который транслировались записи камер внутри магазина. Обычно я выключал его в последнюю очередь, но сейчас застыл перед ним.

Свет я еще не потушил, поэтому все помещение отлично просматривалось. В противоположном углу, возле металлического стеллажа, хаотично заполненного масляными фильтрами, комплектующими и запчастями в герметических пакетах, я увидел яркий красный плащ. Несомненно, это был человек с тающим лицом. Он стоял неподвижно, словно чего-то ждал.

Раскаленный прут пронзил меня насквозь, я чуть не свалился с ног. Через секунду я уже бежал к выходу, забыв выключить монитор. Я не оглядывался, но слышал, как нечто зашевелилось, стремительно приближаясь ко мне. Выбежав из магазина, я захлопнул дверь, и лихорадочно изъясая ключ из своей сумки, запер ее трясущимися руками. Первая волна паники прошла, поскольку *он* теперь был под замком, и выскочив из пристройки, я закрыл решетчатую дверь уже более спокойно. Затем я замер, прислушиваясь, не отпирает ли он дверь, ведь у него наверняка есть ключ. Из магазина не доносилось ни звука, во дворе, где я стоял, тоже было тихо, и я быстро пошел, почти побежал, время от времени бросая взгляд через плечо. Только потом я вспомнил, что не успел потушить в магазине свет.

Вскороности я перешел на спокойный шаг, так как меня на-

стигла одышка. О твердую кость черепной коробки ударялись мысли – стремительные горячие лепешки, запущенные сознанием.

Значит, получается нельзя отпугнуть происшествие, готовясь к нему, и закон подлости – это все чушь, поскольку происшествие не ждет того момента, когда человек к нему не готов. Оно вообще ничего не ждет, потому что не наделено нашими свойствами. Происшествие просто приходит или не приходит, но это никак не соотносится ни с нашим знанием – будет оно или нет, ни с нашей интуицией. И ничего мы не можем призвать своим мысленным настроем, происшествие зависит от огромного количества мелких причин, из которых наши действия далеко не на первом месте.

12

Вторник. Вечер

Посередине стола, за которым я обычно пишу, лежала флэшка. Я ее видел впервые.

Я взял флэшку в руки, металлический корпус был холодный. Я сжал ее в кулаке и закрыл глаза, пытаюсь совладать с собой. В голове отчаянно билась мысль, что надо что-то предпринять, но я не знал – что.

Я включил ноутбук, который привез от родителей перед выходными, и вставил флэшку в разъем. Раньше я не привозил его, поскольку не хотел, чтобы он отвлекал меня от

писательства, мне вполне хватало общения с компьютером на работе. Но сейчас я рад, что он у меня, иначе пришлось бы ждать завтрашнего дня, чтобы просмотреть содержимое флэшки.

На ней была очередная видеозапись, впрочем, я и не думал, что там может быть что-то другое. Трясущейся рукой я запустил проигрыватель и взгляделся в экран.

Не сразу я сообразил, что дата в левом верхнем углу – 16 апреля 2013 года – это всего лишь неделю назад, и это тот день, кода я посмотрел первые записи, день, с которого начался этот кошмар. Изображение включилось как будто посредине событий, я тут же увидел себя перед монитором рабочего компьютера, пожирающего глазами экран. Затем я стал чесаться пуще прежнего. То затылок, то плечо, то ребра, то уголок рта – мои руки сновали по мне, как пауки, а на лице застыло удивление. Запись была не с такого ракурса, как первая, которую я сейчас наблюдал с рабочего компьютера на записи текущей.

Невероятно, я смотрел запись, на которой я смотрю запись, на которой снят я!

На этот раз камеру повесили очень высоко, почти надо мной, поскольку съемка велась чуть ли не вертикально. Однако, по моей памяти, в том углу магазина ничего не было, разве что он прицепил камеру прямо к потолку возле окна.

На записи я вскочил с места, подбежал к левой стенке от себя и принялся обшаривать стеллажи, ощупывать стену и

зеркало. Наблюдая сейчас со стороны, я хорошо вспомнил тот момент и стало страшно осознавать, что он был заснят. Но как же я тогда не увидел *эту* камеру, ведь на записи я как раз обыскиваю пол магазина в поисках устройства, на котором снята первая видеозапись. Я сразу понял, что дело в ракурсе. Я приковал свое внимание к той части магазина, с которой, по предположению, была сделана первая запись, а на другую часть, где в тот момент висела камера, я даже не смотрел. Ее расположили в таком месте, куда человек без повода не поднимет глаза, но все равно это риск. Неужели он не боялся, что я ее найду? А может, ему было наплевать – найду я ее или нет.

Но как он угадал правильное время, чтобы сделать *эту* запись? Как он знал, *когда* я буду просматривать его флэшки, чтобы потом показать мне это на экране? Ведь в этом же интрига?!

Я оторвал глаза от ноутбука и осмотрелся вокруг. Затем я встал и обшарил каждый угол комнаты, действуя почти бессознательно. Я хотел найти бездушный стеклянный глаз, пристально уставившийся на меня, и руки на автомате ощупывали мебель, словно прикосновение могло дать ответ. А в голове билась мысль о зловещей матрешке из кадров, что предстанет передо мною, если я все-таки найду камеру. Поскольку тогда это будет запись, на которой я дома смотрю запись, на которой я на работе смотрю запись, где я сижу на работе еще ни о чем не подозревая. А ведь так можно делать

до бесконечности и в этой вселенской цепочке я буду постепенно проживать каждую ипостась.

Не обнаружив камеры, я вышел в коридор и обвел его взглядом. Затем осмотрел остальные помещения квартиры и бесцельно застыл посреди кухни.

Не знаю, сколько я так простоял, в голове летали обрывки мыслей, не соединяясь между собой. После я вернулся в комнату, быстро оделся и вышел из дома.

Солнце уже село и все вокруг, словно матовые сосуды, наполнилось оттенком сумеречной синевы. Я обогнул дом с левой стороны и пошел прямо через газон по тропинке к маленькому магазинчику – единственному на ближайший километр заведению, работающему круглосуточно в этом глухом районе. Хотя дневной ларек, работающий до восьми или девяти, расположен ближе ко мне, там крайне маленький выбор пива, и я редко туда хожу. Впрочем, сегодня у меня не было предварительного решения, ноги просто несли вперед.

Зайдя в магазин, я увидел знакомого продавца за стойкой, который уж очень напоминает мне какого-то актера, вот только я никак не могу вспомнить – какого. Знаю одно – мужчину пожилого возраста редко встретишь за прилавком магазинчика или за кассой супермаркета.

Я взял четыре бутылки пива и большую пачку чипсов особо не раздумывая, что мне не свойственно, обычно пиво я выбираю долго.

Идя назад, я все пытался вспомнить – какого же актера

мне напоминает продавец. Седоволосый, коренастый, с рыхлыми бороздами на толстой шее, смахивающий на алкоголика, но только внешне, поскольку всегда был очень воспитанным.

Я проделываю это уже не первый раз и часто перед мысленным взором возникают размытые образы, обрывки кадров из какого-то фильма, в котором этот актер то ли в роли шерифа, то ли... А дальше пропасть... То, что уже давно пришло мне в голову и на тот момент стало прогрессом, теперь было застоем, в котором я вязнул. А когда уже старался думать о чем-нибудь другом, часть сознания еще какое-то время продолжала копошиться, перебирая файлы, шурша ими, и периодически вовлекая в это занятие весь мозг.

Придя домой, я поспешно разделся, открыл бутылку зажималкой, не тратя время на путь на кухню за нормальной открывалкой, и тут же осушил ее на четверть. Я крайне редко так пью, разве что в знойную жару после длительного ожидания чего-то прохладительного, а обычно растягиваю процесс на маленькие глоточки. Но сегодня моей целью было не удовольствие, а опьянение и как можно скорее. Ведь опьянение заглушает страх и ненужные мысли. А завтра, после перезарядки, может ко мне придут свежие решения.

Я вышел на балкон с бутылкой в руке и закурил. На улице быстро темнело. Время сумерек, если мне доводилось проводить его дома в одиночестве, почему-то всегда навевало на меня жгучую тоску. Казалось, я начинал ощущать бестол-

ковость своих надежд и желаний, их циркуляцию с незначительными видоизменениями ото дня к дню. Они становились лишь выцветшими прихотями... Не то, чтобы я каждый раз думал об этом. Нет, у меня было лишь смутное чувство, труднопереводимое на язык слов, а такое объяснение я ему дал недавно.

Я вспомнил, как иногда вспоминал в такие моменты, простой случай из детства, когда я, будучи в классе пятом, сидел за столом, делал уроки и поглядывал на темнеющую улицу, на отдающие синевой дома за окном, и ощущал такую же тоску. Тогда это был бесформенный сгусток, смутивший мою душу, я не осознавал природы этого чувства, к тому же оно наверняка было вызвано элементарным желанием ребенка уже гулять на улице, а не делать так допоздна уроки. Но думаю, мои взаимоотношения с сумерками зародились именно тогда, поэтому эпизод врезался в память.

Мне вдруг захотелось оказаться не здесь, а в каком-нибудь шумном помещении среди друзей и знакомых, где будет музыка и веселье, приятный смог, словно окутывающий тебя смягчающей подушкой от внешней реальности и внутренних терзаний. Вот так надо проводить сумерки, думал я, делая очередной солидный глоток.

Я вспомнил свои последние гулянки и это автоматически навело меня на мысли о Кате, ведь на большинство посиделок я приходил вместе с ней уже полтора года. Затем я вспомнил, как мы часто курили на этом балконе. Воспоми-

вание застало меня, когда я тушил бычок и я решил закурить следующую, чтобы еще посмаковать умеренную горечь этих эпизодов. Подкуривая, я ясно увидел ее, стоящую рядом с горящим угольком на кончике сигареты и в глазах. Интересно, что она сейчас делает?

Перед глазами внезапно вырисовалась череда сцен из нашего с ней секса и всего прилегающего. Самые запоминающиеся моменты, наверное. Некоторые кадры оказались сильнее других и воображение призывало их снова и снова, нежась в их возбуждающей теплоте. Следствием была легкая эрекция, все-таки с ним давно ничего не происходило, но возбуждение быстро прошло и появилось раздражение, рвущееся изнутри навстречу горькому пиву, заливающемуся внутрь.

Я вспомнил наш разговор с Костей, о том, как рассказал ему о заскоках Кати, и теперь мне стало неловко. Я даже начал мысленно выгораживать ее, аргументируя положительными чертами ее характера. Цеплялся за них, размышлял о вариантах сложившихся обстоятельств, если что-то в них поменять, и не заметил, как из этих мыслей я, словно съехал по желобу, перешел в область романтических грез, имеющих мало общего с реальностью. Перед мысленным взором стали рисоваться ситуации, в которых я был чутким, проникновенным и страстным. Все обстоятельства были воображаемыми, но виделись мне *вариантами действий* либо сейчас, уже после разрыва, либо в какой-то период прошлого во время на-

ших отношений. И я то думал, что не фантазирую, а представляю реально возможные случаи, но потом вспомнил, каким я порой бывал холодным и равнодушным, в те моменты, когда стоило проявить внимательность и чуткость, и понял, что эти грезы слишком оторваны от действительности. Не то, чтобы я не мог вести себя, как в своих мечтах, иногда я бывал очень близок к собственному романтическому образу. Но главная проблема заключалась в том, что в реальной жизни любой эпизод неразрывно связан со всеми предыдущими, как во внешнем мире, так и во внутренних переживаниях. А в наших фантазиях ситуации всегда без контекста, освобожденные от оков последовательности и парящие в поднебесьях воображения, приходящие, словно по мановению палочки.

Далее я вспомнил других девушек, с которыми у меня были отношения, зачастую непродолжительные, и тут тоже из воспоминаний, как из пластилина, стал лепить фигурки вероятностей. И вдруг я остро ощутил свои первые любовные переживания, которые были родом из подросткового возраста. Из той эмоциональной поры, когда даже объятия с девушкой казались чем-то особенным (с официально заявленной *твоей* девушкой, что само собой было понятием статусным) а поцелуй – так вообще удивительным волшебством, снизошедшим в твою юную жизнь из прекрасного мира взрослых. Помню, сразу после такого события эти моменты хотелось прочувствовать снова и снова, и я мысленно воссоздавал их,

постепенно заново проживая, смакуя каждую деталь, купаясь в них, словно они были сотканы из шелковых декораций. Со временем воспоминание комкалось, терялись нюансы, но еще долго оставался некий сквозной образ-эмоция и я мог наслаждаться не только им, а и *преддверием*, что я его сейчас призову.

Я продолжал витать в этих ощущениях, которые теперь себе объяснял, когда докурил вторую сигарету и допил первую бутылку. Затем вернулся в комнату и включил музыку на ноутбуке. Я поставил грустные вязкотянучие мелодии в аккомпанемент к своему настроению и сразу же погрузился в них. Под влиянием алкоголя усиливается восприятие музыки и эти песни, казалось, знали о моих мыслях и чувствах и выражали их на своем нерасшифрованном, непостижимом языке, а я хаотично монтировал клип из потока сознания. После я вспомнил группу, которую любил в подростковом возрасте, и поставил пару ее песен, желая ощутить ностальгию, но предполагая, что теперь эта музыка мне покажется примитивней. Но я с восторгом обнаружил, что наоборот – в музыкальной составляющей угадывалась более сложная конструкция, чем прежде улавливал мой слух, да и текст, вопреки нескольким банальным строчкам, в основном наполнился более глубокими и обширными метафорами.

На протяжении вечера меня не раз подмывало кому-нибудь позвонить или вообще поехать и встретиться с кем-то из знакомых. Но уже поздно, никто не захочет выходить в

будний вечер, придется идти домой, родители начнут задавать глупые вопросы: какого я приперся в одиннадцать или двенадцать часов ночи пьяный ни с того ни с сего (а я несомненно буду пьяный, я уже под хмельком), а ты попробуй им объясни... ай, да пошло оно все.

К половине первого я был уже порядком выпивший, чипсы съедены, а сигарет я выкурил не менее пол пачки. И снова я вышел на перекур с наполовину полной последней бутылкой, на этот раз даже не выключив музыку, что я делал ранее, чтобы слышать шорох за собой в квартире, если таковой будет. В голове плавали смутные обрывки образов и я даже не задумывался – нравится мне это или нет.

Не допив последнюю бутылку я осмотрел квартиру с ножом в руках, который держал под матрасом. Теперь я делал это не со страхом, а с жадной найти врага. Я был готов к встрече.

Несмотря на хмельную храбрость перед сном я проделал все необходимые процедуры с дверьми для своей безопасности. А после долго пролежал на кровати с включенным светом, положив руку на матрас в том месте, где под ним был спрятан нож. Так и уснул.

13

Среда

Похмельное утро приглушило страх, как я и ожидал, к то-

му же мне ничего не снилось, а если и снилось, то я этого не помнил. Однако физическое недомогание привнесло с собой и тяжелое моральное состояние.

Когда я уже вышел из метро и шел по алее вдоль каштанов, витая в смутной пустоте, перед глазами возникли яркие эпизоды вчерашнего происшествия на работе. *Красные* эпизоды. До меня дошло, что если я приду раньше сотрудника, то мне придется открывать магазин, и если у этого ублюдка не было ключей... Но у него должны быть ключи!..

Я остановился и позвонил Юре. Хотел узнать, не пришел ли он еще на работу. Он сообщил, что уже на подходе, тогда я сказал, что задержусь на минут 5-10, закурил сигарету, стал в тени одного из каштанов и начал ждать.

Докурив, я на всякий случай еще постоял 2 минуты, поскольку Юра идет к работе с другой стороны и я не мог точно знать – там ли он уже. Затем продолжил путь. Магазин мне открывать не пришлось, но как только я зашел, он стал высказывать мне за включенный свет, который, по всей видимости, горел всю ночь.

На протяжении дня, благодаря кофе и делам, которые нельзя было отложить, похмелье отступало, а страх соответственно нарастал. С ним возвращалось и осознание собственного положения. Не представляю, как бы я смог находиться на работе один после всего, что здесь происходило.

Как-то на перекуре мне вдруг пришло в голову, что надо обратиться в милицию, ведь это настоящее преследование.

Но что им предъявить, только записи? А они чего доброго решат, будто я сумасшедший. Даже Костя отнесся к этому с подозрением, а если уж друг так отреагировал, то чего ждать от чужих людей. Но... странно, почему Костя мне не предложил этот вариант – заявить в милицию? Это ж наверняка противозаконно – снимать кого-то скрытыми камерами. Он и вправду решил, что я сошел сума или не сделал это по какой-то другой причине?

Когда я вернулся домой и действие похмелья почти закончилось, я решил, что стоит переехать к родителям, хотя бы на несколько дней, чтобы почувствовать себя в безопасности, иначе я действительно доведу себя до безумия. Можно будет завтра отпроситься на полдня под предлогом плохого самочувствия и перевезти туда необходимые вещи или поехать прямо с работы без ничего. Но что я скажу родителям?.. Пока не знаю.

Вдруг меня посетило желание ехать сегодня же, прямо сейчас, но я отказался от этой затеи. Похоже, подсознательно не хотел выдавать самому себе – насколько я напуган, не хотел совершать такой очевидный побег.

Когда я поел и вернулся в комнату, то вдруг услышал какой-то шорох прямо здесь. Я выхватил нож из-под матраца и, став словно на поле боя, огляделся вокруг. В комнате была мертвая тишина.

Я убедил себя, что никакого шороха на самом деле не было, что у меня просто нервы разыгрались и включил музыку

повеселее, чтобы заполнить ей жуткую пустоту.

14

Четверг. Ночь

Теперь передо мной были не просто темные формы, а гроздящиеся угловатые тени, которые падали в зазор между друг другом. Если бы падали на меня, то они бы разрезали меня своими острыми углами, но они улетали прочь. Однако тени все равно покушались на меня, потому что периодически у них вырастали черные руки-ветки без пальцев, и они тянули их ко мне, при этом падая вдаль.

Я внезапно открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света. Затем повернул голову, повел взгляд, еще затуманенный от резкого контраста, и увидел... что подле моей кровати стоит человек с тающим лицом! Не в темноте, как тогда во сне, а залитый желтоватым светом комнаты, что я оставил включенным на ночь.

Я вскочил и сел на кровати, вжавшись спиной в стену. Затем выхватил нож из-под матраса и выставил его перед собой.

– Мы вроде и виделись недавно, но такой встречи у нас еще не было, – сказал человек с плавящимся лицом спокойным голосом.

До меня еще не дошел тот удивительный факт, что существо со мной разговаривает. Мои глаза в данный момент уло-

вили другую примечательную деталь – красный плащ был испачкан, местами грязью, а местами запылен.

– Я напоминаю тебе твой ночной кошмар? – спросил он.

Мне почудилось, что он хотел засмеяться, но сдержался. Почему? К тому же голос мне показался необычайно знакомым, хотя звучал он как-то глухо.

– Ладно, нам предстоит многое обсудить, – сказал человек в красном плаще. – И сначала я хочу тебя спросить – неужели ты не узнаешь меня?

Я молчал, поскольку не знал, что ответить, вообще не понимал – что означает этот вопрос. Но вдруг я услышал странные звуки, исходящие не от меня. Я вслушался и ощутил головокружительную тошноту, возможно потому, что воспринимающие участки мозга сразу осознали их значение, еще до того, как это понял я весь. Это был звук... дыхания... Дыхания под маской!

Я почувствовал или в каком-то смысле увидел, словно со стороны, что мой рот открылся, а глаза округлились еще больше, чем прежде.

– Наверно, узнал, – сказал человек с тающим лицом. – По лицу вижу, что узнал. – Тут он все же позволил себе краткий, кислый смешок. – Но я лучше перестраховуюсь и все-таки...

Его руки потянулись к голове. Я услышал скрип и шуршание тонкой резины и человек в красном плаще снял свое лицо.

Из меня вырвался нервный стон, показалось, что его я то-

же услышал со стороны. В ушах прозвучал тихий глумливый свист внутренних демонов.

Я отупело смотрел на человека с тающим лицом, который невероятным образом превратился в моего старого товарища, с которым я был знаком много лет. В того, кто звонил мне пару дней назад и предлагал встретиться, я должен был с ним увидеться в конце этой или в начале следующей недели. В того, с кем я в детстве пытался снимать фильм на любительскую видеокамеру. Таинственный монстр из запредельного, нематериального мира перевоплотился в моего старого друга, жившего по соседству. Я смотрел на лицо поверх красного плаща и это было обычное человеческое лицо, до боли мне знакомое, но, в какой-то степени, теперь не узнаваемое.

– Я знал, что ты удивишься, – сказал Олег, улыбнувшись.

Если бы он сейчас рассмеялся, то я вероятно бы кинулся на него с ножом. Но он вдруг стал серьезным и следующие слова произнес так, словно сам с трудом в это верил:

– Значит все выходит, как задумано.

– Что задумано? – выдавил я хриплым голосом.

– Я хотел, чтобы все получилось именно так и так и вышло. Такое редко бывает, правда? Я хотел, чтобы ты не знал, что это я, хотел, чтобы это был сюрприз.

Он возвел руки в красных рукавах, словно этой скудной жестикуляцией засвидетельствовал момент сюрприза.

– Я знаю, тебе интересно, как я все это провернул. Ну,

пришло мне в голову это очень давно, еще, когда мы снимали фильм на заброшке, помнишь?.. В общем, не буду утомлять тебя всей историей, скажу о главном – снимать скрытой камерой я тебя начал, когда ты учился в школе, а я только ее закончил. Да ты и сам видел, и я скажу тебе, что те записи, которые до тебя дошли – это единицы, их было гораздо больше. Просто все не делается с первого раза... Особенно поначалу, когда я снимал не мини-камерами, а большой любительской. Сколько раз я пытался заснять твою прихожую и постоянно то не так камеру положу, то еще что-то. Всего пару записей получились нормально, но момент, когда ты стоишь перед зеркалом в этом костюме произошел случайно. Я совсем на это не рассчитывал, но вышло удачно... Пробраться к тебе в квартиру не составляло труда. Тогда мы с тобой часто виделись и я просто украл у тебя ключи, сделал дубликат, а потом подбросил их тебе назад.

Пока Олег говорил, мне вдруг вспомнилось несколько эпизодов из той поры, когда я, выходя из лифта, неожиданно встречал его на лестничной площадке (хотя он жил на другом этаже), а иногда и возле своей квартиры. Вспомнилось, как я тогда потерял ключи, а потом нашел их в неожиданном месте.

То же самое произошло недавно с ключами от работы и от моей нынешней квартиры! Но я тогда не придал этому значения.

– Так же легко я решил вопрос с твоей работой и этой

квартирой, – продолжал он, словно читал мои мысли. – Самым сложным было узнать код от сигналки в магазине и, мне кажется, я сделал это единственным возможным способом. Как-то я дважды навестил тебя на работе: в первый раз украл ключи и присмотрел место для камеры, а во второй раз прикрепил ее сверху над сигналкой. Так, чтобы запечатлеть – какие цифры ты нажимаешь... А ты знаешь, как тяжело было заснять последнюю запись, когда ты на работе смотришь мои флэшки? Чтобы не упустить это момент, мне пришлось повесить *три* камеры на потолке. Я закрепил их рядом на двойной скотч и на каждой поставил таймер. Одна выключалась, другая включалась... Три камеры – это не дешево по деньгам, – сказал он так, будто этими действиями оказывал мне услугу.

Под конец Олег опять зажеликулировал, но в остальное время не двигался и казалось, что он себя сдерживает, словно хочет играть некую роль, соответствовать определенному образу.

– А это... – Он оглядел себя. – Это всего лишь костюм, такой же, как у тебя. Я знал, что ты пишешь рассказ о нем и знал, что это произведет впечатление... Но когда я вчера был в магазине вечером, я думал, что ты подойдешь ко мне и мы пообщаемся. Хотел уже тебе раскрыться, но я как-то хреново просчитал, что после всего ты просто убежишь. Поэтому пришлось идти к тебе домой...

Я поглядел на дверь комнаты, стол был плотно придвинут

к ней.

– А как ты зашел?

– Обычно, через дверь.

Я снова посмотрел на вход, потом перевел взгляд на Олега, а тот ухмыльнулся и сказал:

– Я зашел через дверь, просто до того, как ты вернулся с работы. И все это время я стоял в шкафу.

Он повел рукой в сторону коричневого лакированного шкафа, в который я заглядывал крайне редко.

Вдруг я вспомнил, как вечером услышал шорох в комнате, когда вернулся из кухни после ужина. Видимо, на моем лице отразился новый этап удивления, поскольку Олег опять улыбнулся и сказал:

– Да, я знаю, что я терпеливый человек.

Он хвалился. Невероятно! Похоже, он хотел продолжить, но было уже поздно, потому что я слез с кровати и встал рядом с ним. Обездвиживший меня страх перешел в ярость. Искры начали витать во мне, как только минул первый шок, когда под маской я увидел его, но теперь из одной мигом разгорелся костер, который уже не погасить.

Олег отступил на шаг и покосился на нож, который я продолжал выставлять перед собой. Я не собирался кидаться на него с ножом и держал его бессознательно, но наверно от меня веяло такой угрозой, что он поднял руки и запротестовал:

– Стоп, стоп! Успокойся! Убери нож, дай мне дорассказать.

Я пристально смотрел на Олега, после отшвырнул нож, который стукнулся о стену, глухо звякнув лезвием, и отскочил на кровать.

– Да я тебя и без него придушу!

Олег снова скосил взгляд на длинное лезвие на простыне, очевидно, расценивая, насколько оно от меня далеко. А я даже и не посмотрел на нож. Несмотря на гнев и полубезумие, до которых меня довел этот ублюдок, во мне еще осталась капля разума, чтобы не пускать его в ход.

Я не сводил глаз с этого псевдочудовища, с этого мерзкого клоуна, а пылающий костер обжигал языками мои внутренности. И я сделал первый шаг к нему.

– Послушай, остынь! Ну дай я тебе расскажу!

– Чего я еще не слышал?

– Ты не слышал главного!

Олег хоть и занял оборонительную позицию, но в его действиях не чувствовалось страха. Может, мне так казалось сквозь призму злости, цепляющуюся за каждую мелочь, способную разжечь меня еще больше, но в его поведении сквозило ехидной насмешкой и... чем-то еще.

– Ну, говори! – сказал я, остановившись.

– Ты только расслабься, присядь...

– Не хочу я сидеть!

– Ладно, тогда просто остановись, – сказал Олег, хотя я не двигался с места. – Я хотел договорить про эти записи. Так вот... Ты должен знать, что я не всегда этим занимался,

не был этим одержим. То есть, между некоторыми записями разница в несколько лет... На это время я забывал об этом, забивал на все это, терял интерес... особенно после неудач, когда все срывалось и я чуть не попадался.

Он сделал паузу, тщательно подбирая слова. Мы стояли напротив друг друга, и я с презрительной снисходительностью ждал, когда он закончит.

– Иногда я чувствовал омерзение к себе, что занимаюсь таким. Еще больше омерзения я чувствовал, когда спрашивал себя – зачем мне все это, к чему это приведет? Потому что я знал, потому что я... э... чувствовал с самого начала концовку. Она, как зловещий рок, нашептывалась мне на ухо... И тогда я возвращался к этому и снова пытался делать записи.

Олег как-то странно ощупал свой бок.

– И теперь, когда их так много, я точно знаю, что с ними делать. Хотя я знал это всегда... Их можно обрезать, смонтировать, сделать какие-то прикольные флэшбэки и это будет фильм! Короткометражный, конечно, для полного метра это слишком уж скучно. Но главная его фишка будет в том, что это абсолютно реальная съемка обычного человека, который живет обычной жизнью и даже не знает, что его снимают. Круто, правда?!

Я не разделил его восторга, в моем лице лишь добавилось отвращения к собеседнику. Неужели он это серьезно?

– Да, я знаю, что это не совсем уж круто, но это еще не

все... Я выложу видео в интернет, но, чтобы людям было интересно, должна быть какая-то прикольная развязка. И она записывается сейчас, уже идет развязка, но...

Я огляделся вокруг в поисках камеры.

– ... И этого не достаточно. Чтобы всех зацепить и шокировать, главный герой в конце должен умереть.

С этими словами Олег приподнял красный плащ с правого бока и достал нож из чехла, прикрепленного к поясу. Нож был большой, охотничий, с желобком для стока крови, специально, чтобы потрошить животных.

Я застыл, забыв про камеру, и уставился на длинное лезвие, поблескивающее в желтоватом свете, заливающим комнату. Затем перевел взгляд на Олега. На лбу у него появилась испарина, а лицо исказило необычайное возбуждение.

– Ты представляешь, какая это драма!?!... Обычный человек, никому не известный, живущий простой жизнью – это никому не будет интересно. Но если узнают, что в конце его убивают, это захотят увидеть все!.. И увидят, и будут обсуждать во всех уголках Земли, и кто-то может даже испугаться за свою жизнь и иногда будет оглядываться по сторонам. Моя идея будет жить у них в головах!

– Это что – очередной розыгрыш для красивой развязки? – спросил я, чувствуя, как все тело стянуло, словно жгутом.

– Да, именно... для развязки, – ответил он прерывисто, будто задыхался.

Его глаза, и без того большие на худощавом узком лице с выпирающими скулами, бешено выкатились, а рот изогнулся в остервенелом выражении. Неужели это тот человек, которого я знаю много лет?

Я начал медленно отступать, сердце подпрыгивало к самому горлу, не давая вдохнуть. Метнул взгляд в сторону ножа, который выбросил, но он лежал на кровати в зоне недосягаемости. Я отходил к дальней от балкона стене и дверь у меня была слева, но выбежать я бы не успел, поскольку Олег был слишком близко, с каждым моим шагом он делал свой, не теряя дистанцию. К тому же письменный стол до сих пор ее подпирал.

Справа, сразу за сервантом, стоял стул, на котором я обычно сижу, когда пишу, а на нем настольная лампа. Я увидел ее боковым зрением, она была на расстоянии вытянутой руки. Моя старая лампа с массивной круглой ножкой, длинной гибкой шейкой и металлическим, цилиндрической формы, абажуром. Последнее время, когда передвигал стол к двери, я оставлял ее на стуле.

Не теряя ни секунды я схватил ее за шейку у самого абажура. В этот момент Олег замахнулся и хотел пырнуть меня в живот. С криком я неуклюже подскочил и левой рукой отбил удар вниз, так что нож вонзился не в живот, а в ляжку, чуть пониже паха. В первый миг я не ощутил боли, но заорал и обрушил ножку лампы ему на голову.

Я не назову это ударом, поскольку мне не удалось вложить

в него силу, однако ножка была металлическая и тяжелая. Олег зашатался, левую руку прижал к голове, а правой от боли так крепко сжал рукоятку, что, отходя назад, вырвал нож из раны. Я закричал, жгучая боль пронзила всю ногу. На светлых пижамных штанах быстро увеличивалось пятно крови.

Олег согнулся, все еще держась за голову. И я ударил снова и на этот раз вложил силу, потому что меня подстегивали боль и страх. Замах пошел снизу вверх, шейка лампы прокрутилась в руке, но я все же попал ему по лицу. Раздался хруст и Олег опрокинулся навзничь. От удара верхняя металлическая крышка на абажуре отлетела, а шнур вслед за ножкой проделал виток в воздухе и стукнулся о шкаф.

Нож вылетел у него с руки и сейчас он лежал, похоже, в полубессознательном состоянии. Я не смотрел, куда отлетел нож, меня накрыла новая волна боли. Я опять кричал, глаза начали слезиться. Тем не менее я сделал несколько шагов к лежащему Олегу.

В этот момент он начал приходить в себя, потянулся руками к лицу и зашевелил ногами, не нарочно ударив меня по щиколотке. Раненая нога подкосилась и я с воплем упал на Олега, не сильно попав ему лампой по груди, которую с рук не выпустил. Он открыл глаза, наполненные страданием и злобой, белки ярко выделились на залитом кровью лице, и вцепился мне в шею.

Я неуклюже отбил его руки и ударил ножкой лампы по

голове. Потом ударил снова и снова. Из-за того, что шейка прокручивалась в руке, ножка порой попадала в пол, а шнур хаотично летал вокруг, раз даже больно ударив меня по уху вилкой. Но я этого не замечал. С криками и слезами на глазах от боли и отчаяния я бил Олега ножкой лампы, пока не размозжил ему череп и его голова не превратилась в окровавленную лепешку с еле угадываемыми формами человеческого лица.

15

Темные формы в моих снах теперь сменились на красные. Красные формы были повсюду, кровавые ошметки летали в разреженном, красном, зараженном воздухе, лица знакомых в крови – все это сливалось в мучительную лихорадочную кашу, набухающую изнутри, и я просыпался. И не мог пошевелиться, с частым гулким сердцебиением в звенящей тишине больницы. В окружении толстых, белых, бездушных стен, тускло мерцающих в лунном сиянии – с трех сторон, и мутным сереющим окном – слепым глазом в мир – с четвертой.

Днем я страдал от боли и процедур, нескончаемой вереницы запахов хлорки, спирта, крови, бинта и других медикаментов, навевающих такую депрессию, что порой мне не удавалось сдержать жалость к себе и тогда, оставшись наедине, я плакал.

Со временем стало полегче, к тому же меня часто навеща-

ли родители. И пусть их назойливые расспросы, дотошное внимание к ненужным деталям, и как всегда самоуверенные теории по поводу происходящего меня раздражали, но это такое привычное раздражение, которое многим лучше, чем быть одному в палате с болью и мыслями. Не то, чтобы я много размышлял о случившемся, скорее наоборот – большинство времени я находился в оцепенении, словно похмельном, полусне с бездумным переигрыванием эпизодов где-то на заднем плане, будто включенным, тихо бубнящим телевизором в соседней комнате – порой вслушиваешься, инстинктивно пытаешься вычленить слова, но безуспешно. Однако, во время редких всплесков, я глубоко и надолго погружался в размышления, поскольку мало что могло меня отвлечь от этого занятия в таком вырванном из жизни положении.

Я много думал про Олега, про то, как его образ для меня разрушился и перестроился. Раньше в моей голове был сформированный, в целом приятный облик моего старого друга и все воспоминания и детали угодливо подтверждали его. Теперь эти воспоминания и детали подверглись сомнению и внимательному анализу, и в итоге стали тянуться к новому образу, теперь подтверждая его, хотя в действительности в них самих все осталось по-прежнему. Неужели я могу так искаженно видеть события реальности? Неужели ее детали всегда притягиваются к *уже сформированному* набору символов, который давно лежит внутри нас и дает им значение, лишь пропуская через собственную сетку фильтра?

Иногда я пытаюсь воссоздать в воображении последовательность его мыслей и действий на протяжении всех этих лет и порой возникают нюансы, которые выбиваются в сторону. Наверно потому, что я не знаю полностью историю его жизни, по отрывкам поверхностной информации догадываюсь о его мыслях и начинаниях, впрочем, как и раньше. Впрочем, как всегда и со всеми.

Например, я не могу понять, зачем было отправлять мне столько дисков и флэшек, когда те несколько записей с дисков вполне можно было переписать на флэшку (Речь не идет о кассетах, с ними посложнее и возможно Олег просто не хотел морочиться). А тем более зачем было отправлять мне три флэшки, когда все записи, содержащиеся на них, легко бы уместились на одной. Возможно, Олег не хотел, чтобы я просмотрел все записи сразу, одним махом. Хотел растянуть этот процесс, таким образом усилив его влияние, или же просто желал придать иллюзорного объема своему идотскому труду, на который потратил столько времени и сил. Есть и другие загвоздки, но, как я уже сказал, на самом деле я не знал своего старого друга.

Сегодня ко мне зашел Костя, он тоже периодически меня навещает, и как всегда не с пустыми руками, а с очередной порцией фруктов. Посмотрев на апельсины, я вспомнил, как в прошлый раз мучительно долго их чистил, как дольки плохо отлипают от кожуры, и сказал:

– Дружище, тебе конечно большое спасибо за все, но я хо-

тел спросить: а почему ты постоянно приносишь мне фрукты, ведь у меня не ангина, не бронхит или еще что-то типа такого?

Костя обескураженно взглянул на крупные плоды.

– А что, фрукты приносят только при таких болезнях?

– Ну не знаю, может еще при отравлениях... хотя нет... В общем я без понятия – где они помогают, но рану они мне точно не заживляют, – улыбнулся я.

– Еще и как заживляют, – серьезно ответил Костя. – Они оздоравливают весь организм, а здоровый организм быстрее справляется с любой проблемой. А ты что не любишь фрукты?

– Да если честно – не очень, – сказал я. – Ты только не обижайся...

– Чтобы меня обидеть, тебе придется постараться, – сказал он, выставив вперед руку. – А насчет фруктов, то придется тебе их есть, потому что я буду приносить их и дальше. Тебе надо вставать на ноги.

После паузы он спросил:

– Или ты хотел, чтобы я тебе принес пивка?

– Я бы не отказался, – ответил я и рассмеялся. Смеяться было хорошо.

Мы поговорили о новостях: в мире и среди нашего окружения. Говорили о всякой ерунде, много шутили. Диалог складывался легко, но время от времени я мысленно улетал и молча сидел с задумчивым видом.

Костя это заметил, но ничего не сказал. Видимо, он считал, что в моей ситуации это нормально, что к такому следует отнестись с пониманием и лучше не задавать вопросов. Однако я был бы не против, если бы он у меня что-то спросил, проявил интерес, поскольку я хотел поделиться. В итоге, так и не дождавшись, я сам об этом заговорил:

– У меня сейчас новый этап обдумывания... всего, что произошло.

Костя смотрел на меня выжидающе, затем спросил:

– Ты... э-э сделал какие-то новые выводы?

– Даже не знаю... Не знаю, как объяснить, – ответил я и замолчал.

Я долго молчал. Разговор вдруг утратил гибкость, стал громоздким и неповоротливым, с острыми углами, об которые счесывались все попытки языка обличить мысли словами. Наконец я сказал:

– Повезло мне, что лампа была под рукой, что она как раз стояла там.

Костя, сидя напротив моей кровати, выдержал паузу.

– Я думаю, это больше, чем просто везение. Так должно было быть, – сказал он и почесал щеку.

– Нет, дружище. Ты говоришь, как суеверные бабы за сорочковник. «Так должно было быть» – нету такого! Я всегда склонялся к этому, а теперь я просто уверен. Все вокруг – лишь разрозненные предметы, они просто существуют... И все происходит по случайности. И эти случайности зависят

от такого количества мелочей... никак друг с другом не связанных, что многое мы просто не можем разглядеть... Но нет в этом никакого проведения.

Костя хотел что-то сказать, но я не дал ему даже начать.

– И моя жизнь тоже зависела от случайности! Конечно, можно придумать занимательную историю про лампу-оберег, которая всегда была со мной и в самый нужный момент оказалась под рукой неспроста, и дать этому сотни объяснений, основываясь на суевериях, религии, всякой там эзотерике или астрологии. Но, к сожалению, ничего нас не оберегает и наверно только в небольшом проценте что-то зависит от нас, остальное... – просто стечение обстоятельств.

Я замолчал. Костя терпеливо дал мне закончить и, выждав несколько секунд, сказал:

– Я так не считаю. Ты же знаешь. Мы когда-то уже говорили с тобой об этом, правда тогда ты не был так уверен, не стоял так твердо на этом мнении, но что-то уже прокрадывалось... Не может быть все случайностью. Может не в твоей ситуации, но бывает столько совпадений прямо на лицо, что назвать это случайностью – это надо быть слепым.

– Та беда в том, что человеческий мозг изначально настроен на совпадения. Он хочет выстраивать схемы, искать скрытые связи.

– Это да, но это же не повод отрицать их возможность, – заметил Костя.

– Вот ты – яркий тому пример, – продолжал я, словно не

слышал его.

– В смысле?

– Ты очень любишь разложить все по полочкам, то – там, се – там, и все взаимосвязано четкой причинно-следственной нитью. И ты даже не сомневаешься! Это невероятно, но ты очень спокоен, тебе кажется, что ты всегда знаешь, что за чем идет. Большинство людей склонны к схемам и связям, наверно даже все в той или иной мере, и я тоже, но...

Пока я на секунду запнулся, обдумывая следующую мысль, Костя быстро заговорил:

– Вот именно, если все к этому склонны, то тогда что в этом плохого? Это вписано в нас испокон веков. К тому же, когда я что-то говорю или утверждаю, то я же руководствуюсь не только своим видением, а и какими-то общеизвестными фактами. – Он сделал паузу, а после добавил с улыбкой. – Что ж, в какой-то степени я с тобой согласен, но только чуть-чуть.

На некоторое время повисло молчание, вязнувшее в плотных больничных запахах.

– О, слушай! – Встрепенулся он. – Все забываю у тебя спросить: а Катя не заходила?

Я покачал головой.

– Странно, – сказал он. – Я почему-то был уверен, что она зайдет после всего, что произошло. Она же по любому об этом слышала, если не из новостей, то по сарафанному радио.

– Да, ну как видишь – не зашла. – Развел я руками.

Конечно, я тоже думал об этом и хотел, чтобы она меня навестила. Я не желал возобновлять с ней отношения, к тому же в моем нынешнем физическом состоянии думать о таком я считал глупым. И не сказать, чтобы я так уж сильно жаждал ее видеть, скорее мне хотелось теплоты, которую может дать только девушка. И дело тут не в конкретном человеке, просто на данном этапе моей жизни именно Катя воплощала в себе эту теплоту. Однако тут невозможно отделить зерно от плевел, а соответственно все могло выйти только хуже. Но душа-то, вопреки рассудку, всегда рада отдаться любовному приключению.

– Как там с ментами? – спросил Костя.

– Да вот как раз все решилось, – вздохнул я. – По их мнению, я слишком агрессивно защищался, так что дали «условное». Это еще повезло, что батя мне подсуетил знакомого юриста, а то вообще посадили бы.

Друг осуждающе покачал головой.

– На работе тебя все еще ждут?

– Ждут. Но они ж пока не знают, что у меня «условка», – ответил я.

– Знаешь, ты кстати мог позвонить в милицию еще когда все началось. Есть же такая статья, которая запрещает снимать людей скрытой камерой. Просто не надо было бы им рассказывать про человека в красном плаще, а дать только голые доказательства в виде записей.

Несколько секунд я молчал, потупив взгляд.

– Да, наверно мог, – медленно кивнул я и посмотрел на Костю. – А почему же ты мне тогда этого не посоветовал?

Вопрос застал его врасплох и глаза его забегали. Не мог же он сказать: «Потому что боялся, что ты сходишь с ума».

– Надо было... надо было посоветовать, – наконец ответил он. – Тоже об этом не подумал тогда.

На некоторое время воцарилось молчание, явно неловкое для моего друга, а затем я сказал:

– Хотя знаешь, я бы им дал записи, а они бы спросили: как они ко мне попали. Я бы сказал, что нашел их у себя дома, среди своих вещей и хоть утверждал бы, что мне их подсунули – все это навело бы их на неверные подозрения... Если и стоило идти к ментам, то после того, как Олег появился в магазине. За день до того, как спрятался у меня дома. Камеры магазина засняли его в костюме, отдельно от меня, бегущего к выходу, и это уже хоть какое-то доказательство. Но тогда я, к сожалению, об этом не подумал, а потом было уже поздно.

– Ясно, – отозвался Костя.

Когда опять настала тишина, он поднялся с табурета и медленно прошелся к окну, по пути внимательно изучая красный линолеум под ногами. Подойдя к мутному по краям стеклу, с мусором и паутиной между рамами, он выглянул на улицу и, от нечего делать, изобразил интерес к скучной бытовой жизни, текущей за ним. Водил глазами, периодиче-

ски задерживая взгляд на каких-то деталях. Я же наблюдал за ним и думал: как часто мы имитируем интерес от нечего делать, как часто навязываем его себе.

Костя провел пальцами по стеклу, затем повернулся ко мне и улыбнулся.

– Скоро вернешься к обычной жизни и все будет супер!

Я посмотрел на него туманно и тоже слегка улыбнулся.

– Там хаос?

– Что? – удивился он, а после пожал плечами. – Да нет, все как обычно.

Я хмыкнул и кивнул.

– Скучный хаос, не выходящий за свои невидимые рамки.

Костя посмотрел на меня с легким недоумением, потом горько ухмыльнулся и не спеша вернулся к моей кровати, держа руки в карманах.

– Да, может и так, – сказал он.

– Ты знаешь, у меня сейчас постоянно идет внутренний спор, – заговорил я. – С одной стороны, тлеет вера, что *на самом деле* был человек с тающим лицом... что я видел его в детстве. Он был, как призрак, как существо из другого мира. Он не смог обрести тела, но мог как-то влиять на Олега, подводя его ко всем этим делам...

Как он появился? Кто его придумал?.. Без понятия. Но как он пришел в наш мир – это скорее всего из-за меня. Возможно, такая судьба преследует многих писателей, художников и других людей искусства, потому что время от времени

они пытаются искать ответы на вопросы, лежащие за пределами нашего понимания... Они становятся тонкой мембраной и как бы проводником в мир инородных сил, через который к нам может что-то прийти, обрести форму и поселиться здесь. И я давал силу человеку с тающим лицом... Может, это просто образ, может на самом деле он – бесформенная сущность, но... Так вот – и чем я больше о нем думал, писал о нем рассказ, тем он становился сильнее и мог больше влиять на Олега...

Это с одной стороны, хотя эта версия уже почти проиграла в моем споре. А с другой – нет никакого человека с тающим лицом, есть только сумасшедший тип, который хотел зарезать своего старого друга ради каких-то идиотских целей... и нечем его оправдать или прикрыть...

А еще есть наши страхи и постоянная тяга к романизованному восприятию.

Костя меня слушал, но глаза его были беспокойны. Взгляд периодически убегал внутрь себя, он о чем-то размышлял, надеюсь, об этих словах, а не о чем-то своем.

Я замолчал. Складывалось ощущение, что я закончил, но это не так. Я хотел поделиться еще многими мыслями, просто их было не так легко облечь в слова, в отличии от рассказа о прямолинейном противоборстве фантастической и рациональной трактовок произошедшего. Ведь за этим кроется еще много всего, что я успел обдумать в больнице.

Я хотел сказать о своем произведении, что теперь точно

не буду его писать. И не потому, что он будет вызывать у меня страх, вороша воспоминания о реальном происшествии. В таком случае – напротив следовало бы его написать, встретиться лицом к лицу со своими монстрами, привыкнуть к ним и одомашнить, раз уж у меня есть такая возможность с помощью творчества. Вопрос лишь в том, что вышло все наоборот – домашние монстры вырвались на свободу, стали частью внешнего мира и набросились на меня.

Был человек с тающим лицом из детства – просто образ, страшилка, порожденная (точнее взятая из где-то увиденного) сознанием томящегося в однообразии мальчика, поскольку я вспомнил чувство, которое испытывал перед тем, как увидеть его тогда. Это ощущение преддверия *События*, этот внутренний накал, который свидетельствовал о том, что данные ситуации были разыграны для самого себя.

Еще был человек с тающим лицом из моего рассказа – не только бездумный антагонист, безликая сила, а еще и уникальный персонаж, в который я пытался вложить некий смысл и эстетическую глубину. Но то, что произошло в реальности, исковеркало, изуродовало мои начинания, и привело к безумного итогу, который в один миг выплеснулся на меня из потока событий. Человек с плавающим лицом *в действительности* не имел ничего общего с моим персонажем, через образ которого я воспринимал происходящее, пока не узнал всю правду. Моя интерпретация, пусть страшная, но зато не такая непостижимая, разбилась о грубую скалу ре-

альности, если так можно выразиться. То, что случилось на самом деле, оказалось еще страшнее. Отвратительнее и бессмысленнее. Но я до самого конца цеплялся за свою версию, пока она не рухнула под натиском и не похоронила прежнего меня и мою идею.

Но ведь все мы цепляемся за уже лежащие внутри нас наборы символов и все, поступающее из внешнего мира, процеживаем через их фильтры. А иногда соединяем поэтическим восприятием разрозненные обстоятельства, придавая им слаженность и свою эстетику. По сути, романизируем хаотически наслаивающуюся на нас действительность,

выводя из ее несогласованных деталей собственную симфонию. То же самое было и со мной, я видел события по-своему.

Впрочем, вижу до сих пор и продолжаю строить выводы из по сути бессмысленного действия. Правильнее даже сказать – не выводы, а новые сходства, метафоры, значения. Продолжаю чувствовать ситуацию через призму искусства, в тайне надеясь таким образом спастись, отодвинуть на задний план понимание *Пустоты*, пока оно не ослабит хватку после произошедшего.

Думаю, что теперь я в какой-то степени – человек с тающим лицом, мой выдуманный персонаж. *Размытое я*, которое сейчас находится под влиянием последнего происшествия и формируется в ответ на него, при чем предыдущий облик частично утрачен. Хотя все мы формируемся на

протяжении жизни под воздействием разных событий и даже мелких случаев. Примеряем амплуа детей и родителей, агрессоров и смиренных... *Меняющееся я*, которое поверхностно, отрывочно воспринимают окружающие и искаженно сам человек, всегда в движении. Получается, что сам я, как и все остальные, не начинаюсь и не заканчиваюсь, а просто плыву в образах, играю роли в представлениях других и своих собственных. А *подлинное я* существует только в конкретный момент времени, замершее на передышку, пока не наступит следующий этап, и смутно ощущая колоссальную работу психологических механизмов, бесчисленность внутренних процессов.

Именно поэтому в какой-то степени все мы – люди с тающими лицами.

Послесловие автора / рассказчика

Все-таки я написал эту повесть, хоть и собирался оставить данную затею. Разумеется, это совсем не то произведение, которое я писал вначале, до этих событий. Персонаж человека с тающим лицом изменился и усложнился, но я попытался максимально точно отобразить все его трансформации. Также я пытался предельно четко передать все тонкости и нюансы своих переживаний. Конечно, не обошлось без доли поэтического восприятия действительности, но я свел его к минимуму.

Что же заставило меня решиться? Ответ прост: когда прошло время и я вернулся к обычной жизни, до меня дошло, что из произошедших событий, при правильном изложении, может выйти гораздо лучший рассказ, чем предыдущий вариант произведения о человеке с тающим лицом. Но только с упоминанием и даже некоторым совмещением с его первоначальными идеями. Вот поэтому я решил написать все, как есть.